

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

и рокъ, первій начинанія войны Хмельницкого противъ Поляковъ.

Въ ней-же первѣе полагается выводъ о Хмельницкомъ и дѣтяхъ его, потомъ прилагается о Пуфендорфію гисторикъ Нѣмецкомъ, и рѣчь его о войнѣ Хмельницкого; обиди, утѣсненія, разоренія Украинно-Малоросійскіе, отъ Поляковъ бывшіе; давность и продолженіе ихъ; фортель Хмельницкого въ одобраннѣ привилеювъ въ Барабаша Королевскихъ; причины отъѣзду Хмельницкого зъ Украины до Сѣчи Запорожской, и поднесенне войны на Поляковъ; корреспонденція листовная ошуканская Хмельницкого до пановъ Полскихъ; бытность и присяга Хмельницкого въ Крыму; прихилность къ нему Ханская, и отпускъ зъ Крыму зъ Тугай Беомъ; прибытте Хмельницкого до Сѣчи; постановленне его тамъ Гетманомъ, зъ врученемъ ему клейнотовъ войсковыхъ и войска Запорожскаго, зъ тріумфомъ тогдашнимъ; число войска Низоваго. О писарахъ Сѣчовихъ, и прочая. Отрохъ знакахъ предъ войною Хмельницкого бывшихъ; зрозумѣне чрезъ Поляковъ фортелю Хмельницкого зъ его листовной корреспонденціи; прибытте войскъ Полскихъ на Украину, и несправность ихъ; виѣздъ Хмельницкого зъ войскомъ зъ Сѣчи; злученесе его зъ Козаками реестровими, Дифпромъ до Кодаку при Барабашу плинувшими; розгромъ первій Поляковъ на Жолтой Водѣ; здобичь тамошная; зловленне и изгубленне тамъ Чаплинского; рушенне Хмельницкого ку Корсуну; розгромъ повторній

главній подъ Корсуномъ Поляковъ зъ Гетманами ихъ; здобичъ тогдaшнaя, и прочая; виправа Хмелницкого до Запорожжа и въ Кримъ подарунковъ; одозвъ Хмелницкого до Вишневецкого, и изгуба посланцовъ его. Рушене Хмелницкого отъ Жорсуна до Бѣлой Церкви, и розослане унѣверсаловъ его обширнихъ отъ толь во всю Украину; умедлѣнiе подъ Бѣлою Церквою; личба тамъ войска и арматъ Хмелницкого; поставлене полковниковъ, розослане ихъ на войну, и смерть Короля Владислава; збурене Нестервару и нинихъ городовъ, и страхъ Лядскій; замѣрене граници Козацкой по Горинь и прочая; виѣздъ Вишневецкого зъ Лубень; тиранство Вишневецкого на рознихъ мѣсцахъ; прогрессъ его военній на рознихъ же мѣсцахъ зъ Кривonosомъ; рушене Хмелницкого отъ Бѣлой Церкви до Пиляви; взятте Бару чрезъ Кривonosа; личба войска Полскаго подъ Чолганскимъ, и рушене оногo ку. Пилявѣ; розгромъ третій того-же лѣта Поляковъ чрезъ Хмелницкого подъ Пилявою, и страхъ до утѣчки зъ Полци; прогрессъ далшій военній Хмелницкого тогожъ лѣта; взятте Збаража зъ богатствами шляхетскими; окупленеся Лвова и Замостя Хмелницкому; рознiе дѣянiя и сейми Лядскiе тогдaшнiе; поселство ихъ до Хмелницкого, и поворотъ Хмелницкого на Украину зъ подъ Замостя; повторное поселство отъ Поляковъ до Хмелницкого зъ подарками и фалшивою приязнiю; погрѣбъ Короля Владислава, и коронацiя Короля Яна Казѣмѣра зъ тріумфомъ Лядскимъ; розставлене войскъ Хмелницкого на зимовлю по надъ Горѣнiю; прибытте его въ Переяславль, и привѣтствие ему отъ Малоросiяновъ. О рознихъ послахъ до Хмелницкого, и отправа ихъ; поведенiе Лядское разное, и о жидахъ; Шумейкова виправа для добывання Кодаку и его неисправленiе.

Р О З Д Ъ Л Ь І.

Визодъ о Гетману Хмелницкомъ, хто онъ былъ и отъ куду; о дѣлахъ его и слугахъ значнѣйшихъ; и о гисторіику Нѣмецкомъ Пуфендорфію.

Немоглемъ того дойти и вибадатися зъ гисторіи книжнихъ, якого власне року заложенъ и доконченъ въ Полщѣ славній и крѣпкій замокъ Бродскій; того тилко зъ повѣсти певной шляхти Полской дойшодемъ, ижъ Зѣновій Богданъ Хмелницкій, яко волній и значній шляхти Руской синъ, зоставалъ въ Полщѣ въ чину конюшескомъ, у велможного нана Потоцкого, фундактора замку Бродскаго, въ тое время когда зовсѣмъ докончился тотъ замокъ. И егда тотъ Потоцкій, зъ многими и високими себѣ ровними шляхти Полской персонами, прибылъ до Бродовъ, для огляданія тоей своей замку Бродскаго фундаціей, тогда зъ тоюжь своею ассистенціею ходячи по валахъ Бродскихъ, тѣшился велце, же за старанемъ и коштомъ его такъ знаменитая и крѣпкая фортеца Бродская зостала сооруженна. Где слышалъ и отъ ассистентовъ своихъ многіе себѣ похвали и той фортецы залеченія, яко и недобытою ей нарицали. При немъ тежъ нану Потоцкомъ и конюшій его, Богданъ Хмелницкій, по тихъ же валахъ близко ходячи, а для бывшей въ немъ натуральной влѣчности, ростропности и науки, великую имѣючи милость отъ папа своего, кгда вопрошенъ былъ таковыиъ словомъ: «нине Хмелницкій, якъ ся тобѣ мнитъ о той фортеци; бо я уважаюмъ, и всѣ тое признають мнѣ,

и жъ есть не добыта. Хмелницкій на тотъ часъ запомнѣвши злой аиле въ подпилломъ пана своего фантазіей, учинилъ неосторожне такій на слово панское отвѣтъ: «Исне велможній мосце добродѣю! що рука людская здѣлаеть, то таяжъ и зопсовати можетъ.» Що любо есть правда, однакъ тимъ отвѣтомъ Хмелницкаго тотъ панъ Потоцкій, фундаторъ Бродскій, барзо ураженъ; но Хмелницкій неостерегль того; лечъ отъ другихъ браттѣ своей, а особливе отъ ближайшихъ боку панского слугъ, съ которыми мѣлъ доброе заховане и пріязнь, кгда zostалъ перестереженъ, и жъ мѣлъ того дня отъ меча панскаго стратити свою голову; теди тоей смертной недожидаючися чаши, кгда начали до столу панскаго, въ новосозданныхъ замковихъ будинкахъ готовати, онъ Хмелницкій вѣйшолъ зъ замку на квартиру свою въ мѣсто Броди; где лутшіе конѣ свои побравши, и що было на тотъ часъ при немъ субстанции на вюки зложивши, рушилъ зъ челяддю своею спѣшно и безвѣстно зъ кватери въ путь намѣренній; и нимъ пришло до полъ обѣду панского въ замку Бродскомъ, Хмелницкій тимъ часомъ миль три и чотири могль улузати. А о полъ обѣдѣ, кгда панъ Потоцкій загрѣлъ уже добре лобъ свой сикеромъ, велить покоевому своему винести себѣ съ комнаты палашъ; а другому слузѣ приказалъ звати Хмелницкаго конюшого своего. Тотъ слуга по всемъ замку незнайшовши Хмелницкаго, удался на квартиру его, а тамъ одержалъ отъ людей домашнихъ таковую вѣдомость: и жъ Хмелницкій посѣдлавши и повючивши свои конѣ, рушилъ спѣшно изъ кватери, неказавши нѣкому куда. Слуга тотъ, кгда о отъѣздѣ зъ Бродовъ Хмелницкаго принеслъ пану Потоцкому реляцію, тогда всякъ домислился, и жъ Хмелницкій оставивши вѣчне службу свою, ушолъ вовсе отъ гнѣва панскаго. Панъ Потоцкій цолучивши тую, о уѣханню Хмелницкаго, вѣдомость, тимъ барзѣй розярился, и заразъ найлучшими конми своими приказалъ слугамъ сво-

имъ гнати за Хмельницкимъ, а завернути его до себе. Якая за Хмельницкимъ погоня любо и была, еднакъ все; поневажъ недогнаній Хмельницкій и безъ жадного препятствія щасливе отъ Бродовъ прибылъ на Украину. Где нѣколько время проживши, и зъ добримъ молодцами Козацкими обознавшись, отъѣхалъ зъ ними на низъ, до Сѣчи Запорожской. А тамъ чрезъ нѣколико лѣтъ застаючи, набывалъ нужныхъ собѣ вещей, чрезъ праці и труди военніе; ходячи зъ Козаками Запорожскими, полемъ и моремъ, за промысломъ военнимъ подъ жилища бесурманскія, и въ окказіяхъ военныхъ не закрываючи своего предъ непріателемъ ока; за шо въ войска Запорожскаго въ особливой былъ чести и повазѣ. А наконецъ, зтескнувши въ Сѣчи Запорожской, отъѣхалъ въ города Украинскіе Малоросійскіе; и въ Чигринскомъ повѣтѣ ожившись, женился, понявши себѣ панну Анну Сомковну, зъ нею же сплодилъ двоухъ синовъ Тимоша и Юрія, и третую цорку Елену. Але ижъ былъ лѣтєратъ и въ чину Козаковъ реестровихъ знаменитій, а въ окказіяхъ военныхъ противъ бесурманъ (особливе на морю Чорномъ, въ десятку тысячъ войска Козацкаго, року 1621, за кролевства въ Полщѣ Жигмунта третого и сина его Принцъ Владислава, во время войны Полской подъ Хотѣнню, зъ Османомъ Царемъ Турецкимъ бывшой; и иишихъ временъ и случаевъ) ижъ завше оказывался Королевѣ Полскому и рѣчи посполитой не безъ значнихъ и награжденія достойнихъ прислугъ и заслугъ; того ради отъ Короля Жигмунта и сина его Принцъ Владислава и рѣчи посполитой певную часть кгрунтовъ и земель, въ повѣтѣ Чигринскомъ, въ Суботовѣ, имѣлъ собѣ наданную, и вѣчнымъ мандату Королевскаго привидеомъ ствержденную; и на тихъ то добрахъ своихъ живучи, осадилъ слободу Суботовскую, и значне былъ началъ розживатися, яко и Твардовскій въ первой части книги своея наменяеть. Чому врагъ ненавидяй

добра людского, чрезъ инструментъ свой Чаплинскаго, позавидѣвши, вигналъ былъ на время зъ дому, и осѣдлости его Хмелницкаго до Запорожя; чрезъ якое вигнане, нетилко значное и несказанное крвѣ Православной и Римской здѣлалъ пролитіе; але и великое Коронѣ Полской и Украинѣ Малоросійской нанеслъ спустошенне и розореніе: що зъ гисторіи подлежащей досконале узриши любопитствующій чителнику. А я знову до рѣчи моеї о Хмелницкомъ возвратившись, тое тутъ докладаю, ижъ ободва сии Хмелницкаго, Тимошъ и Юрій, были паливоди своевольіе; но Юрій не такъ, занеже онъ зъ натури былъ евнухъ; а старшій Тимошъ, еше совершенно несконченной бывшей войнѣ тогда Хмелницкаго зъ Поляки (яко о томъ на предѣ узриши), женился на Домнѣ, дочери тогдашнего Господара Волоскаго, и толъ былъ своевольній, же по смерти отческой (если то есть правда), Чаплинскую мачеху свою на воротахъ обвѣсилъ. Бо Хмелницкій пришедши зъ войскомъ Козацкимъ отъ Запорожя до Чигрина, зловилъ Чаплинскаго, главного врага своего, и оттявши ему голову, Чаплинскую повялъ въ жену себѣ. Потомъ и Тимошъ Хмелниченко не долго зъ Домною поживши, забить въ Сочавѣ; а Домна на свои отчистіи добра зъ Украины, въ огнѣ военномъ тогда палавшой, для тишины и покою въ землю Волоскую отѣхавши, въ нихъ, яко достатная и богатая панѣ вдовствующая, господствовала ажъ до смерти своей; яка нечаянно постигнула еи отъ рукъ нестатковъ и гултаевъ Козацкихъ; которіи поворочаючи подобно зъ нѣякихъ зятяговъ военныхъ, набрали въ Волощинѣ Домну въ нѣякойсь еи маетности: и тамъ на домъ еи разбойническо нападши, и всѣ скарби и богатства, якіи были на верху, розграбивши, прочихъ скарбовъ схованныхъ допитовалися Домни мученіемъ и тиранствомъ. Лечъ она, будучи мужественною невѣстою, отповидѣла Козакамъ такъ: «лутше хошу да владѣеть земля бездушная, нежели ви

одушевленніе врази моя, скарбами моими» — при якихъ словъ сконченню, абіе скончила и животь свой Домна Тимошиха. Юрій Хмелницкій, по смерти отческой и по Гетманству Виговскаго, былъ мало щось Гетманомъ въ Чигринѣ, подъ державою Великаго Государа Россійскаго, которому вскорѣ змѣнивши, и въ отчаяніе фортуни своея пришедши, удался до Порти Турецкой, и сталъ былъ тамъ чернецемъ. Но вскорѣ, по желанію Оттоманскомъ, чернецство свое отринувши, а Гетманомъ знову отъ Порти на Украину присланнымъ будучи, таковымъ отъ Порти ударованъ былъ и писался титуломъ: *Юрій Хмелницкій Венжикъ, Ксіонже Сарматійскій и Гетманъ всего войска Запорожскаго*; шо дається во кратцѣ видѣти въ конституціяхъ Короля Яна Собѣскаго, на листѣ 35-мъ, року 1677-го въ Краковѣ друкованнихъ.

Елену зась Хмелницковну поилъ былъ за жену значній и шляхетвій человекъ, первѣе Данило Виговскій (братъ родній Виговскому, шо по Хмелницкомъ былъ мало Гетманомъ); потомъ Павелъ чили Пантелеймошъ Тетеря, которій тожъ малое время и Гетманомъ Козацкимъ былъ въ Чигринѣ предъ Ханенкомъ Гетманомъ Уманскимъ. Ми-же zde о томъ тутъ замолчавши, приступаемъ до сказанія о войнѣ Хмелницкого зъ Поляки бывшой; въ которое время военное были при немъ Хмелницкомъ два человекъ знаменитихъ, рожаю шляхетного Козацкаго: еденъ—Петро Дорошенко конюшимъ, а другій Иванъ Бруховецкій слугою старшимъ; которіи обадва ижъ были люде довѣпніе и въ рѣчахъ свѣтовихъ бѣгаіе, прето времяъ своихъ, и гонорами Гетманскими отъ Бога и войска Запорожскаго, Дорошенко въ Чигринѣ, а Бруховецкій въ Гадячомъ, были почтени. О чомъ всемъ по лѣтахъ ихъ напредѣ, по войнѣ Хмелницкого, въ семь лѣтописцу лутше виражается.

О историкѣ Нѣмецкомѣ Пуфендорфію.

О войнѣ Хмельницкого зъ Поляки бывшой нимѣ зачну досконале писати, когда и зъ якихъ причинъ она вшадася, и нимѣ дойду автора Полскаго Самуила Твардовского, тую войну Полскимъ ритмомъ описавшаго, и тщаніемъ моимъ на стиль простіи историческій переведеннаго, и въ перемѣшку зъ лѣтописными записками Козацкими, также частми и раздѣлами спораженнаго; усмотрѣхъ за благо положить здесь пунктъ зъ исторіи Нѣмецкого автора Самуила Пуфендорфія, тую-жъ войну Хмельницкого краткими слови окрѣслившого. Въ якой оной Пуфендорфія исторіи любо не все такъ написано, якъ дѣлалося, однакъ и праведніе суть рѣчи, Лядскую неправду а Козацкую невинность изьявляющіи. Бо не дивно было тому автору Пуфендорфію и розминутися въ чомъ зъ правдою, за килко сотъ миль отъ Малой Россіи, въ странахъ Нѣмецкихъ жившему, и досконалой а правдивой реляціи о той войнѣ Хмельницкого неимѣвшому, но на почтовыхъ тилко авизіяхъ и кгазетахъ полагававшемуся, и въ описанню оной труда своего нежалѣвшому. Якіи авторъ Пуфендорфіи перво зъ Нѣмецкого на Латинскій, потомъ зъ Латинского, въ царствующемъ Санктъ Петербурхѣ градѣ (яко прежде рѣхомъ), на Рускій языкъ переведепъ и року 1718 випечатанъ.

Пуфендорфіи въ главъ десятой.

Року 1638 война Поляковъ съ Козаками начадася, которая неудобовѣрная Польци сотворила бѣдствія. Вещъ бысть тако: понеже Козаковъ мужики, оставивши отечество и къ нимъ присовокупившиися, зѣло умножили, и тако множайшіе Полскіе велможи многія и великія на Украинѣ

имѣнія и села себѣ стяжали; мнѣху же доходи свои дивными прибутками размножити, ащеби Козакамъ свобода, въ странѣ оной отъята была; тѣмъ-же совѣтоваху Королю, да би Козаковъ обуздавъ и усмиривъ. Ради ихъ укрощенія, Конецполскій, воинства Полского воевода, городокъ Кодакъ созидати и утверждати, на томъ мѣстѣ где рѣка Самэра въ Днѣпръ впадаетъ, началъ. Сіе егда возбранити силою Козаки покушались, побѣжденни и пораженни суть отъ Поляковъ; и Балука Гетмана со множайшими винными начальниками отдати неприятелемъ принуждени суть. Они Поляки недохраниша обѣщанного имъ, старшинѣ Козацкой, прощенія; всѣхъ до единого казнили. Потомъ на сеймѣ уставлено, да би всякія свободы, купно и Терехтемирова мѣста крѣпчайшого, Козаки лишени были; и въ ихъ мѣсто новихъ воиновъ тамо приведенныхъ осадили. Тѣмъ же Поляки воинство свое приводятъ на Украину, съ которымъ Козаки хотя и множайшія и жестокія имѣли брани, всегда обаче въ вѣри и въ области ихъ быти обѣщались, ащеби старія уставы и закони онимъ были позволени. Сіе егда имъ Поляки обѣщали не токмо вѣру недохранили, но и сами ихъ всегда озлобляли; ибо, оставивши прочія обиды имъ творимія, многіи у нихъ храмы Греческія вѣри отняли; ниже Гетману ихъ Хмелницкому за великое безчестіе довле учинено есть; понеже власть ему Король даровалъ, нѣкія мелници строити, которія нѣкій отъ шляхетныхъ, именемъ Изринскій попалилъ, и жену Гетманскую насилствовалъ, и купно со сыномъ незаконно убилъ.

Между сими, умершу Владиславу, въ лѣто 1647, на его мѣсто братъ его Іоанъ Казѣмѣръ избранъ. Хмелницкій мстѣхся за безчестіе свое, до бунтовъ Козаковъ возбуждалъ; тѣмъ же сіи плѣняюще, убивающе, поля пожигающе, жени и дѣтей растлѣвающе, велія шляхетству Полскому пагубы сотвори. Сенаторамъ принуждающимъ, да би самъ Король противнымъ воинствомъ пошолъ на Козаковъ,

Король не иное что отвѣщалъ, токмо яко неподобало Полякомъ мелници Хмелницкого сожигати, сей отвѣтъ учинилъ; яко Королева Полякомъ вѣра подозрѣна была, обаче воинства до пятидесяти тысящъ бысть собрано; которое потомъ боемъ побѣждено и поражено есть отъ Козаковъ; убіенныхъ есть на томъ бою до десяти тысящъ человекъ; тогда же и градъ Кіевъ взятъ бысть. Сіе поражение дабы равно воздали Поляки, безъ повелѣнія Королевского, седмого человекъ изъ всѣхъ избирають въ воинство, и оніе полки посылають на Козаковъ. Но и паки великимъ боемъ побѣжденни и пораженни суть. Но егда Хмелницкій сына своего (ибо имѣлъ пояти во бракъ дочеръ князя Волоского) бракъ въ Кіевѣ отправлялъ, тогда Поляки нечаянно напали, градъ Кіевъ расхитили, и Греческаго Патріарха тамо бывшего въ плѣнъ взяли. Потомъ Козаки пословъ до Короля посылають спросити: его ли повелѣніемъ сія быша или ни; Королю отрицающе и повѣдающе, яко во отмщеніе шляхтичѣ тако учинили; Козаки соединившися съ Татарами, зъ великими полками на Польшу приходятъ; Король вкушъ зъ шляхетствомъ во стрѣтеніе исходитъ, и непріятелей однимъ боемъ побѣдилъ и разилъ. Потомъ миръ съ Козаками учинился, о которомъ шляхтичѣ на Короля негодовали, глаголюще, яко велми онь симъ миротвореніемъ поблажилъ Козакамъ. Егда же между усобнимъ несогласіемъ Поляки бунтовалися, Россіане, которую давно во умѣ содержажу брань — явно начинаютъ. Въ лѣто 1653, присоединивше себѣ Козаковъ, Смоленскъ осадю окруживше, взяли чрезъ измѣну; отъ туду Литовскую землю велми опустошили, Вилню и прочія мѣста взяли, и онія всякимъ суровства образомъ бѣдственне разорили.

До здѣй Пуфендорфій.

Р О З Д Ъ Л Ъ П.

О обыдахъ, утѣшеніяхъ и разореніяхъ, Малоросіяномъ отъ Поляковъ творимихъ; за якою Короля и якъ давно онѣ начаша; чрезъ колико и до якою Короля продолжишася. О Русь послѣ разоренія Батиева расплодившійся, и о Козакахъ въ ней уродившихся, и нижше пороховъ Днѣпровихъ жителствовати наченшихъ; и о Гетманахъ ихъ. О привилеяхъ давнихъ Королевскихъ приватнихъ и публичнихъ, у Малоросіяномъ бывшихъ, и одобраню чрезъ Хмелницкого у Барабаша привилеовъ Королевскихъ, Малоросіяномъ же ползнихъ; также о Хмелницкомъ, зъ якихъ причинъ уѣхалъ до Сѣчи Запорожской, и по фортельной листовной до Поляковъ корреспонденціи, абіе поднеслъ и военное на нихъ же Поляковъ оружіе. Лѣтопись Козацкій.

Року отъ созданія всея твари 7156, отъ воплощенія же Сына Слова Божія Содѣтеля и Зиждителя миру Христа Господа 1648, въ онъ же господствоваху и повелѣваху: въ Москвѣ Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Россіи Самодержецъ; а въ Полцѣ Великій Государь и Великій Князь Владиславъ Жигмунтовичъ четвертій, Король Полскій и Шведскій, его же и шестимъ Владиславомъ Пуфендорфій нарицаеть; лѣто было висектоное; лѣтера Пасхалная была К красное. Бысть веліе Малоросіяномъ шляхетнимъ и посполитимъ, по обонхъ сторонахъ рѣки Днѣпра жителствующимъ, и Козакамъ войска Запорожского, отъ пановъ Полскихъ и ихъ дозорцовъ, мимо волю Королевскую и рѣчи посполитой, утѣшеніе,

озлобленіе, всеконечное знищене и разореніе. Которое то утѣсненіе, любо началось творити Русѣ отъ Поляковъ отъ 1333, подлугъ Кгвагнѣна и Пуфендорфія; албо по иномъ гисторику Кромеру 1336 году, когда Казѣмѣръ Великій, иже есть того имени третій, по смерти Владислава Локетка, отца своего, наставши заразъ Королемъ Полскимъ, и первого року 1340, потомъ всеконечно року 1348 взялъ войною Рускіе землѣ и провинціи, и зъединилъ ихъ зъ Короною Полскою, албо подчинилъ ихъ оной. Однако легшее и зноснѣйшее было людемъ Рускимъ и Козакамъ зъ ними, ажъ до кролевства Жыгмунта первого. Егда же Жыгмунтъ оній, подлугъ Кромера и Кгвагнѣна, року отъ Рождества Господня 1507 пріять Королевство Полское; тогда за его панованя, девятого року, то есть отъ Рождества Христова року 1516, Козаки въ Рускихъ провинціяхъ и земляхъ, и зъ тоеиждь Русѣ, чрезъ 276 лѣтъ послѣ палѣнія и разоренія Батіевого (которое бысть, по свѣдѣтельству Пуфендорфіеву, року отъ рождества Господня 1237, а по свѣдѣтельству Кгалятовского, въ Скарбницѣ его, въ чудѣ второмъ, року 1240) паки расплодившіися и умножившіися, зъ домовъ своихъ выходяти, и по островахъ Двѣпровихъ, нижше пороговъ, рыбными и зѣрринными добичами бавячися, когда начаша вселятися: тогда заразъ завиствіе добру и волности людской Поляки, того незлюбивши, начаша, надъ волю и привилея Королевскіи, болшіе Русѣ и Козакамъ творити обиди и утѣсненія. Потомъ подлугъ помененного гисторика Пуфендорфія, року отъ рождества Христова 1574, а подлугъ Кромера гисторика Полского року 1576, по Генрику Валенсію Французѣ, Князю Авдегавенскомъ, брату Короля Французского Кароля девятого, егда сѣде на маестатѣ Королевства Полского Стефанъ Баторій, Князь Трансилванскій, Воевода Седмигородскій, мужъ въ кронѣкахъ великое зъ рицерства залѣцене мѣющій, и въ рицерскихъ людехъ кохающійся; тогда,

устроивши въ Полціѣ войска платніе (якихъ предъ тѣмъ не бывало) назвалъ ихъ кварцѣяльными. Егда же заразъ потомъ, и въ Козакахъ Днѣпронизовихъ, яко овцахъ пастира неимущихъ, устроилъ чинъ къ воинскому управленію потребній, позволивши имъ подлугъ старожитнихъ и древнѣйшихъ обичаевъ, между собою имѣти не только меншихъ начальниковъ, но и пайболшого воеввожда Гетмана, и надалъ имъ во владѣніе, для Гетманской резиденціи и для войсковихъ всякихъ запасовъ и прибѣжища, надъ Днѣпромъ городъ Терехтемировъ, со всѣмъ его уѣздомъ (що и Твардовскій въ части первой книги своей — *Война Домова* — названной, свидѣлствуетъ), ствердивши тое войску Запорожскому и грамотою своею Королевскою: тогда Поляки въ большую (отъ первой) зависть и недоброхотство возвративши, всю подъ своею властію тогда бывшую Русь и Козаковъ внутри Полци и на Украинѣ, по обохъ сторонахъ рѣки Днѣпра жителствовавшихъ, болшими налогами и бѣдстви отягощати и озлобляти начаша. И продолжися имъ, Козакамъ и Русѣ, тое отъ Поляковъ творимое озлобленіе чрезъ лѣтъ 315, числячи отъ Казѣмѣра Великато (яко выше изобразилось) Русь завоеваваго, ажъ до Владислава четвертого. Бо отъ вишисаннаго Короля Полского Казѣмѣра третого до панованія Жигмунта первого, бѣше Русь (яко же рѣхъ) въ меншомъ отъ Поляковъ озлобленіи чрезъ лѣтъ 174, въ нихъ же преидоша Королей Полскихъ 8, съ нимъ же Казѣмѣромъ числячи. А отъ Жигмунта, до королевства Стефана Баторого чрезъ лѣтъ 67, въ нихъ же преиде Королей Полскихъ 3, съ нимъ же Жигмунтомъ рахуючи, въ болшомъ утяжесню Русь съ Козаками обрѣталася. Отъ Стефана зась Баторого до канчины, въ мѣстечку Меречу, Владислава вишмененного четвертого, въ року 1648 постигшой (въ оиъ же и Хмельницкій за волности Козако-рускіе поднялъ войну противъ Поляковъ) бѣше Русь зъ Козаками въ неудобостеримомъ отъ Поляковъ озлобле-

нія в утѣстеніи, чрезъ лѣтъ 74; въ нихъ же преішло Королей Полскихъ 3, съ ними же Владиславомъ и Баторіємъ изчи-слюючи.

И тако всего (яко вишшей написахомъ) исполняется лѣтъ озлобленія Русѣ и Козакамъ отъ Поляковъ бывшого 315; а Королей Полскихъ всѣхъ, чрезъ тіе лѣта, наитіємъ смертнимъ премѣнися 14; которыхъ здесь по имени, для лутшого вѣденія любопытствующему читателниковѣ, по рокамъ панованія и копчии ихъ, съ гисториковъ предъ писаннихъ, Бромера Полского и Пуфендорфія Нѣмецкого, виразная хро-нологія полагається.

Хронологія Королей Полскихъ отъ Казьмѣра велико-го до Владислава четвертаго або шестого бывшихъ; подъ ними же Русь зъ Украиною и Козаками бляшъ ажъ до вой-ни Хмелницкого.

Число Королей	Годы настаги		Годы померли	Лѣтъ проказаи
1	1333	Казьмѣръ Великій, иже есть третій	1370	40
2	1370	Людвикъ, Венгерскій и Полскій Король . . .	1382	12
3	1382	Жигмунтъ Марграбя не коронованній . . .	1386	4
4	1386	Владиславъ вторій Ягеллю	1434	48
5	1434	Владиславъ третій, Полскій и Венгерскій .	1445	11
6	1447	Казьмѣръ третій	1492	45
7	1492	Янъ Олбрехтъ	1501	9
8	1501	Александръ, братъ Олбрехтовъ	1506	5
9	1507	Жигмунтъ первій, Князь Глоговскій	1548	43
10	1548	Жигмунтъ вторій, Августъ	1572	27
11	1574	Генрикъ Валенсій, або Еракузь	1574	4 мѣс
12	1576	Стефанъ Баторій, Князь Трансилванскій . .	1586	10
13	1587	Жигмунтъ третій, иже есть и четвертій	1636	49
14	1636	Владиславъ синъ его, иже есть IV и VI . .	1648	12

Тіи убо вси Монархи Полскіи, яко имъ прислушало и подобало, бяху въ своимъ подвласнимъ людемъ, Руссомъ и Козакамъ, ласкавими и милостивими Цанами, имуще ихъ въ своей особливои охорофъ и протекціи, и древнѣйшіе ихъ права и волности, еденъ по другому засѣдаючи маестать Крoлевства Полского, новими своими грамотами и привилеями умоцняли, а особливе Ягелліонъ или Владиславъ вторій по Кромеру по Пуфендорфію же четвертій, за королевства своего, ко Руссомъ и Козакамъ (взглядомъ наданпя и стверженія правъ и волностей имъ полезныхъ) не безъ особливои могъ быти благодати и призрачїи, яко Монархъ (по свѣдѣтельству Кгвагненову, въ кронѣци Полской на листѣ 98) зъ матки Руски рожденній, и многое зъ своихъ добродѣтелей и благоправїа отъ тогожъ Кгвагнѣна залечеие имѣющій; а надъ то, памятствующи онъ, Ягелліонъ, антецессоровъ своихъ Королей Полскихъ уставовъ и привилеовъ, Козакамъ и Русѣ поставленнихъ и утвержденныхъ, не уничтожати и не кассовати. И овшемъ зъ тихъ помененнихъ Монарховъ Полскихъ каждій що колвекъ могъ (яко же вишей рѣхъ), часу своего панованія, Руссомъ и Козакамъ Украинномалоросійскимъ приболшити правъ и волностей ку ихъ помислнѣйшому житію (що въ пактахъ и метрикахъ короннихъ певне обрѣсти моглобися), захоочаючи ихъ тимъ и впередъ ку себѣ на прїязнь, непрѣмннующу зачливость и вѣрнующу службу. Лечъ папове державци Полскіе и ихъ дозорци, въ Рускихъ земляхъ и провинціяхъ бывшіе, вси тіе Королевскіе мандати и привилеи чрезъ свою гордость уничтожающе, своимъ неситимъ желаніемъ, зъ людскимъ утѣсненіемъ и обидами (яко же преднаписася) чинили доветвореніе. Аще бо и имѣяху въ то время (то есть року 1648) Козаки и всѣ Малоросїяне въ себе права и привилеи древніе Королевскіе, на певнїи свои волности и свободи даннїе; обаче тѣхъ високодумная и гордостію веліею вознесшаяся (яко же и виш-

ше рѣхоуъ) шляхта Полская не слушала и не исполняла; и за ничто же ихъ мѣщи, великими тяжестми и бѣдствами (для своихъ власныхъ и наибольшими богатствами и прибытками ненасыщенныхъ аффектовъ) утискала и обижала. Зѣлкихъ привилеовъ Королевскихъ една шляхта Малоросійская имѣла и держала въ себе приватне; бо тилко имъ самимъ оне на добра и волности ихъ были дани. А другіе привилея войску Запорожскому и всему обще народу Малоросійскому служачив, по прежнихъ Казацкихъ Гетманахъ позосталив (которыхъ то Гетмановъ отъ 1576 року, въ онъ же насталь Королемъ Баторій, до 1638 року, въ онъ же кролеваль Владиславъ четвертій албо шестій, и въ немъ же отправилася прежде вираженная войпа зѣ Поляки Острапинова, по свѣдѣтельству кропѣкъ Полскихъ и лѣтописцовъ Козацкихъ, то есть чрезъ 62 чили семдесятъ одно лѣто, преишло вѣрнихъ и противнихъ Полякомъ десятъ; ихъ же проименованія сін суть, по рокамъ ихъ зде полагаемихъ:

Гетмановъ	Число Гетмановъ въ лѣтн	Годовъ
1		1577
2		1593
3		1599
4		1618
5		1626
6		1630
	чили 37	
7		1631
	чили 2	
8		1633
9		1638
10	Тогожъ	

ИМЕНА ГЕТМАНОВЪ .

Шахъ Гетманомъ былъ Запорожскимъ.
 Наливайко былъ Гетманомъ Козацкимъ.
 Косѣискій былъ Гетманомъ Запорожскимъ.
 Сагайдачній былъ Гетманомъ Козацкимъ.
 Вовкъ былъ Гетманомъ Запорожскимъ.
 Тарасъ былъ Гетманомъ Козацкимъ.
 Багукъ былъ Гетманомъ Запорожскимъ.
 Сулима былъ Гетманомъ Козацкимъ.
 Остранинъ былъ Гетманомъ Запорожскимъ.
 Гуня былъ Гетманомъ Козацкимъ.

знайдовалися на тотъ часъ въ рукахъ значного Козака Барабаша, полковника Черкаского; его-же многіе зъ людей, Малоросійскихъ рѣчей певне несвѣдоміи, нарицаша и днесъ нарицають Гетманомъ, но нѣсть тако; зане же отъ помененой войны Остриановой, Гетмани войска Запорожского, чрезъ трактатъ у Маслового Ставу заключенній, испразднвшася; и комисарѣ Полскіе вмѣсто Гетмановъ Козацкихъ надъ Козаками уставлени бяху, що назадѣ на листѣ... совершенно выражено. Тотъ Барабашъ, еще предъ полковничествомъ своимъ Черкаскимъ, будучи значнимъ на Украинѣ товаришомъ войска Запорожскаго, гди року 1636 насталь Королемъ Полскимъ Владиславъ четвертій, иже есть шестій, зъ Богданомъ Хмельницкимъ и зъ нимъ значнѣйшимъ товариствомъ Украинскимъ їздилъ до него Владислава, и при освядченню ему творимихъ на Украинѣ отъ Поляковъ обидъ и утисковъ, просилъ о подтверженне Королевское давнихъ Украинскихъ и Козацкихъ правъ и волностей, и аби волю было имъ зъ между себе избрати и поставити Гетмана, на службу и заштатъ отъ непріятелей Коронѣ Польской потребного: що и одержалъ. Ибо нетилко данъ былъ ему Барабашу, зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Украинно-Малоросійскимъ, привилей Королевскій, при печати и подписѣ власной руки Королевской Владиславлей, стверждаючій прикладомъ прежнихъ Королей Полскихъ всѣ Козацкіе и Малоросійскіе древніе права и волности, и позволяючій имъ Козакамъ на Украинѣ своего имѣти Гетмана; але при отправѣ ихъ приватне бывшой, и такое Королевское къ нему Барабашу зъ товариствомъ устное было слово: « памятаемъ мы, панове Козаци (кромѣ пннихъ давнѣйшихъ вѣрнихъ, аутецессоромъ нашимъ наяснѣйшимъ Королямъ Полскимъ и всей коронѣ, услугъ вашихъ), недавно прошлую Хотѣискую, подъ дирекцією нашею, упрееме вѣрную и зичливую противъ Османа, Солтана

Турецкого службу вашу войска Запорожского; которой, яко наяснѣйшій Жигмунтъ отецъ нашъ, Король Польскій, такъ и мы вдячи будучи велце, декларовалисмо вамъ, всему нашему войску Запорожскому и цалому народу Украинскому, такую нашу ласку и респектъ, якої бисте тилко отъ насъ аффектовали и вождедѣли, и теперь тоей деклараціей нашей не кассуемъ и не премѣняемъ. А претожь, еслиби Поляки на Украинѣ господствующіе, своимъ ходячи упоромъ, неслухали нашего Королевского закау, и неповстягнулися отъ чинення Малороссіяномъ и вамъ Козакамъ кривдъ и прикростей; то яко военніе есте люде, такъ маючи шаблю при боку своемъ и въ рукахъ самопалъ, можете своихъ древнихъ волностей тимъ оружіемъ у Поляковъ доходити.» Якіе уствіе слова Королевскіе, волностей оружіемъ боронити Козакамъ позволившіе, за занесенемъ килкокротнихъ послѣ того чрезъ суплѣки Козацкіе жалобъ Украинскихъ, о непрестаемыхъ отъ Поляковъ на Украинѣ бѣдствахъ и разореніяхъ, и приватнимъ листомъ Королевскимъ Владиславовимъ, до Барабаша зъ товариствомъ писаннимъ, были повторени и подтверждени. Мечъ Барабашъ потимъ усталіовавшися добре на полковничествѣ Черкаскомъ, и держачи въ себѣ тіе привилеи Королевскіе (о которыхъ Хмельницкій соверщенно вѣдалъ и зналъ где зостають въ Барабашевомъ схованію), любо отъ многихъ обидимихъ, а особливѣ отъ Хмельницкого былъ возбуждаемъ при тихъ правахъ непремѣнно стояти, и нового Гетмана межи собою поставивши, Королевского Величества и рѣчи посполитой знову чрезъ пословъ своихъ просити, аби паки новими привилеями и мандатами тіе ихъ давнѣйшіе права подтверждени, и панове Польскіе отъ чинення обидъ и утисковъ Козакамъ и всѣмъ Малоросіяномъ, даби были завстягнени; однакъ онъ Барабашъ, для своихъ приватъ и властолюбія, бинаймнѣй того обидимихъ людей совѣта неслухаючи, и скор-

бей нѣхъ знати не хотѣчи, крѣль и талѣ въ себе тѣе привилея, безъ жадной Козакамъ и народу Малоросійскому ползи. И яко Гетманску элекцію, чрезъ кѣлко лѣтъ, часть за часомъ откладаючи, зводѣкалъ всеу (чи то домишлялся того, же онъ Гетманомъ поставленъ не будетъ; а если иншій хто избранъ zostanieъ Гетманомъ, то и на полковничество Черкасское лутшій отъ него винайтися можетъ), такъ и о добрѣ людскомъ посполитомъ згола своего нехотѣлъ имѣти старання. Чили творилъ тоевъ Гетманской элекціи зволеку и пролонзацію для коррупціи отъ пановъ державповъ Украинскихъ ему бывшой, чого мощно надѣятися. Албо наконецъ для того, жебѣя трактатъ, по сконченню войны Остриановой, року 1638, у Маслового Ставу зъ Козаками заключенній (яко стоитъ на листѣ...), былъ безъ поврежденія при своей сохранѣнъ цѣлости.

Богданъ Хмельницкій (о немъ—же въ выводѣ, на листѣ.. (*) кто и отъкуду онъ бѣ, изъявилъ прежде) сотникъ уже на тотъ часъ Чигринскій, выдачи людей своихъ Украинскихъ, отъ пановъ Полскихъ и дозорцевъ ихъ бѣдственнѣ гнѣтомыхъ и озлобляемыхъ, плачь и стѣнаше; братерскимъ а праве отческимъ на тое уболѣвалъ сердцемъ, и всегда мислялъ о способѣ томъ, чрезъ которій би возмогъ зъ рукъ Барабашевыхъ привилея Королевскіе, Малоросіинамъ въ ползу недавніе отобрати, и при онихъ полезнѣйшее шо погибающей Украинѣ сотворити. Егда же отъ Чаплинскго (которій отъ пана Конецполского, хоружого коронного, былъ на тотъ часъ въ Чигринѣ подстаростѣмъ) и самого его Хмельницкого постигнула кривда и безчестіе: кривда отъ толь, же Чаплинскій задростію добра людского отягошеній, за позволенемъ пана своего Конецполского хоружого, мимо волю Королевскую, отпѣлъ у Хмельницкого слободу Суботовскую и иніе угоды, и права Королевскіе виманилъ; а безчестіе оттоль

(*) См. стр. 11.

же гди о той своей кривдѣ нѣсколко словъ Хмелинцкій промовилъ до Чаплинского, и о отдаче привилеовъ Королевскихъ упоминался, заразь былъ зъ великимъ безчестіемъ и ругательствомъ, якъ лотръ якій, въ тѣсное туремное между злодѣями посаженъ вязене, и въ немъ чрезъ дней чтири застаючи, заледво чрезъ Чаплинскую перепросилъ Чаплинского и выпущенъ zostалъ зъ вязена туремного. Тогда онъ Хмелинцкій, при дознаню на власномъ себѣ такой отъ Чаплинского кривди и безчестія; а къ тому петилко зъ дому Чаплинского, отъ нѣкоегось друга своего zostалъ перестереженъ, что Чаплинскій и о самую Хмелинцкого старался голову, но совершепнѣйше о томъ, тожъ отъ друга своего пана Кречовскаго, полковника Переяславскаго, zostалъ увѣдомленъ тако: иже листомъ Гетмана коронного Потockого, къ нему Кречовскому писаннимъ, и полъ арестъ взяти его Хмелинцкого уже повелѣно есть. Тимъ барзѣй зъ пидностію началъ мислити о правахъ Королевскихъ у Барабаша хранимихъ, якъ би ихъ себе одоискати; того ради умислилъ на день Св. Николая, скорого всѣмъ бѣдствующимъ помощника, Декаврїя 6 праздуемій, учинити въ Чигринѣ заволааний обѣдъ и на оній призвати зъ Черкасъ Барабаша полковника зо всею старшиною, также нишихъ и калѣкъ учредити и милостинею обдарити. Що кгда учинилъ, и Барабаша зъ старшиною затыгль зъ Черкасъ до Чигрина въ домъ свой, тогда самъ въ трезвости заховавшись, постарался старшину всю а найбарзѣй Барабаша всѣмъ уконтентовати, и якъ найлутше подиовити. Старшина прето пляная розойшлась по господахъ, а Барабашъ, яко отъ всѣхъ началнѣйшій, тамъ же въ дому Хмелинцкого получилъ отпочивокъ. Кгда теди змореннїй крѣпкими трунками отъ Хмелинцкого, zostалъ и отъ сна натуре людской презвоитого уморенъ; тогда абіе Хмелинцкій отъ Барабаша спячого для знаку и вѣроятїя взявши шапку его и хустку, послалъ зъ тимъ знакомъ удву конь доброго и справного человекъ своего въ Черкаси до Бараба-

ших, научивши его, аби при показанню знаковъ послѣднихъ, шапки и хустки Барабашевой, пилно и неотступно упоминался у Барабашихи о видане себѣ привилеовъ Королевскихъ, до Барабаша пилно потребуемыхъ, а въ еи Барабашихи въ завѣдованню и схованню застающихъ. Чому Барабашиха латво повѣривши, заразъ тіе Королевскіе привилеи зшукала и посланному Хмелницкого вручила; которій жъ лаемое получивши, праці своею и конскою не пощадивши, стануль зъ Черкасъ въ Чигринѣ за килко годинъ предъ свѣтомъ. А Хмелницкій того ожидаючи неспалъ, но бодрствовалъ зъ килконадцятма другами своими, добрими и поуфалими молодцями, шляхетие урожоними Козаками, за часу къ его Хмелницкого мислѣ преклопившимися, и всего хотѣнія его допомогти ему подъ клятвою слово утвердившими. Скоро теи Хмелницкій одобраъ радостно отъ посланца своего, зъ Черкасъ повернувшого, привилей Королевскій, на тихъ мѣсть заразъ знаки Барабашеви, шликъ и хустку, при спячомъ Барабашу положивши, а самъ зъ товариствомъ предпомененимъ и челяддю своею на готовіе конѣ всѣвши, и свѣта неждождоучися, рушилъ зъ Чигрина до Суботова; где тожъ еще предъ свѣтомъ прибувши, и потребніе вещи въ путь подлежащій на ючніе конѣ забравши, также и старшого сина своего Тимоша зъ собою узявши, рушилъ спѣшнимъ крокомъ зъ Суботова, на свѣтанню, зо всею компанією своею въ намѣреній путь свой, на низъ ку Сѣчи Запорожской. Куди благополучно и безпрепятственно 11 дня Декаврія прибувши, и всему войску привилеи Королевскіи отъ Барабаша фортепие взятіи, Козакамъ в всему народу Малоросійскому полезніи, права и волюсти ихъ давніе утверждаючи, освѣдчивши и добре внушивши; былъ на Кошу Сѣчовомъ отъ всего войска Низового Запорожского, не яко товаришъ или братъ, но яко добрій и чадолубивій отецъ пріять радостно и благодарно, зъ приреченемъ щиримъ отъ всего войска всякой себѣ зичливости и позволю-

сти, и до того начинавня своего готовности. Где отъ нѣкоихъ товаришовъ Запорожскихъ и Гетманомъ оны Хмельницкій уже нареченъ былъ. А Барабашъ у Чигринѣ, въ дому Хмельницкого, заледво по всходу слонца отъ сна хмельного пробудившись, и о отъѣздѣ Хмельницкого до Суботова отъ господара дворового увѣдомившись, а жадного коварства отъ него нечаяючи, отъѣхалъ и самъ зъ Чигрина въ домъ свой до Черкасъ; куда прибувши, а отъ жени своей о виданихъ привилеяхъ Королевскихъ посланцу Хмельницкого извѣстившись, заскорбѣлъ велми. Кгда тежъ потомъ зъ Суботова и изъ Чигрина получилъ вѣдомость, о безвѣствомъ и нечаянномъ Хмельницкого зъ певнимъ товариствомъ кудась отъѣздѣ, началъ домишлятися ижъ оны Хмельницкій, при Королевскихъ привилеяхъ, яко человекъ разумній и во всякихъ дѣйствіяхъ цѣкавій, можетъ шо новое, ему Барабашевѣ несмачное, затѣяти и привести въ дѣйствіе; для чого заразъ комисаровѣ Полскому, на Украинѣ тогда вмѣсто Гетмана бывшему, о томъ невѣдомомъ Хмельницкого отъѣздѣ далъ знати; комисаръ тежъ извѣстилъ тое наскорѣ Потоцкому, Гетману великому коронному, а отъ Гетмана донеслося самому Королю Владиславу четвертому и всему сенату Полскому. Король тежъ и сенатъ злу впредь чаемому слушне запобѣгаючи, и аки искру въ попель, такъ огонь въ сердцу Хмельницкого и всего войска Запорожского и народу Малоросійского, за озлобленіе свое противъ себе тайно палающій, хотячи утушити, заслали грозній на Украину указъ и приказъ, жеби нетилко сами господарѣ для своихъ промысловъ до Сѣчи Запорожской зъ домовъ своихъ неважилися, але и челяди своей туда послати аби ковечне недержали. Особливе въ городахъ и селахъ Украинскихъ Малоросійскихъ люде якого колвекъ чина, въ домахъ своихъ, аби жаднихъ схадокъ и бесѣдъ неимѣли, а по дворахъ и улицахъ, или по рынкахъ и торгахъ даби два, три или четири вкупѣ нестояли, или чого

зъ собою нерозмовляли. А надъ то и увѣю онижъ Поляки въ народъ Православній увести, благочестіе испразнити, заблужденіе-же Римское распространити и утвердити крѣпко тицелися и усиловали. Зрите убо волніе окрестніе, всякихъ племенъ и языковъ народи, кое тогда такожде волному шляхетскому Савроматійскому Козакорускому, зъ давнихъ лѣтъ отвагами своими не тилко въ своей Европѣ, но и въ дальнихъ странахъ Азіятскихъ прославленуся народовѣ, другій тожъ Сарматійскій народъ Полскій, и многи власною братією Цимбрамъ, Скифамъ и Козарамъ бывшій, здѣлалъ былъ. надъ право Божіе и натуралное, озлобленіе и усть, отъ Бога на глаголаніе роду человѣческому даннихъ, замкомъ срогого указу заключеніе. Лечъ, що всемогущи и непостижими судби Божии въ родѣ человѣческомъ сотворити мѣють, тому жадная натуральная и чрезъ науку набытая цѣкавость людская запобѣгти и воспретити неможеть. Ащебо и заключиша тогда Поляки уста Малоросіяномъ неговорити между собою нічого, обаче тимъ найбарзѣй отворили двери гнѣва, въ сердцахъ ихъ противъ себе крѣпкошагося. Ибо Всемогущій Богъ и всея твара Содѣтель, яляій зъ имперею, отъ найвишого слави Своея престола, возносящаяся до небесъ капернауи и титули Полскіе, и озлобленіе, аки люду Израилскому Египетское, вѣрнихъ въ Православіи непозиблемомъ застаючихъ Малоросіянь, рабъ своихъ: посла имъ яко Мойсея того, о немъ же пишемъ, Богдана Хмельницкого, и даде ему смыслъ и разумъ, чрезъ которій би возмогъ отъ такъ тяжкого ига Лядскаго волній Малоросійскій народъ освободити, и въ вождельвную пакы приоблекти свободу. Чрезъ тотъ убо отъ Бога собѣ данній разумъ, овъ Хмельницкій нимъ коснулся начинаемаго собою дѣла и промисла, и нимъ віѣхаль въ Крымъ до Хана, тимъ часомъ писалъ зъ Сѣчи Запорожской до Потоцкого, Гетмана короннаго и до иннихъ свои листи, о своихъ нуждахъ и безчестіяхъ отъ Чаплинскаго заданихъ: пи-

сагъ зась Хмелникій овіе листи не зъ такимъ умисломъ, аби моглъ що Чаплинскому учинити и зашкодити (бо то была рѣчь неподобная), але зъ такимъ аби моглъ якъ колвекъ (хочай не на долгое время) Поляковъ завести и обманути, а отъ приготовапняся зъ войсками на отпоръ противъ себе забавити и удержати, щося самимъ skutкомъ подлугъ мислѣ Хмелницкого и выполнило. Листи зась якіе и до кого тогда писалъ Хмелникій, тіе для видѣнія тебѣ, любопытствующій чительнику, ретелне тутъ предлагаются.

Р О З Д Ъ Л Ъ Ш.

Листъ отъ Хмелницкого зъ Запорожя до Барабаша.

Пане Барабашу, полковнику Черкаскій,

Поневажъ на многократніи мои совѣти и предложена неизволилъ ваша милость склонитися, и подлугъ давнихъ привилеовъ Королевскихъ, у вашей милости въ слованію бывшихъ, Козакамъ и всему народу Малоросійскому служащихъ, просити чрезъ нарочнихъ пословъ Козацкихъ Королевского Величества и ясневелможнихъ пановъ сенаторовъ Полскихъ о новіи привилеи, на утвержденіе древнихъ правъ и волностей Козацкихъ и Малоросійскихъ, и на повстягнене людскихъ обидъ, злиствъ и разореній, Козакамъ и всѣмъ Малоросіяномъ творимихъ, а особливе церковей Божіихъ Православнихъ до унѣи принуждаемыхъ, и ко Римской схизмѣ на погибель душевную кгвалтовне влекомихъ; тели я жалоснимъ на тое уболѣваючи сердцемъ, къ тому и отъ нецютгливого сына Чаплинского, старостки Чигринского, првшедши безвинне въ великое безчестіе и разореніе (о чомъ и самъ ваша милость добре вѣдаешъ), мусѣлемъ старатися о способъ такіи, чрезъ которій

бпмъ могль тѣ Королевскіе, между платтемъ и плах-
тами у жони вашей въ схованю застаючи, и безъ осто-
рожности жадной тручіея привилея до рукъ моихъ при-
няти, и при онихъ лутшее що и полезнѣйшее разораемой
и погибающей Украинѣ и синомъ ея здѣлати, а Королев-
ского Величества, ясне велможнихъ пановъ Сенаторовъ
и всен рѣчи посполитон Польскои ласки и милости упро-
сити. Тѣшуся прето, же Господь Богъ, вѣдїй тайная
сердець людскихъ и всенародное Украинское стенаніе,
удостоилъ мя по желанію моему слухнимъ способомъ
зъ недишкретной неволѣ вашей визволити и на вожде-
лѣнну до войска Запорожского свободу привезти оніе
привилея Королевскіе; при которыхъ, за помощію и бла-
гословеніемъ Божиимъ, можемъ у Его Королевского Вели-
чества и ясневелможнихъ пановъ Сенаторовъ упросити
желаемїй респектъ и милость, на обтяженную многима
отъ пановъ Поляковъ бѣдствїи Украину; кгда станемъ
о тое зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ горячо просити
и оппелювати. А же ваша милость пожиточнїи и всему
народу Малоросїїскому потребнїи у себе хоронилъ и тайлъ
привилей, а для своихъ власнихъ пожитковъ и користей
нехотѣлъ еси стати, и милости Королевскои просити за
плачущихъ и бѣдствующихъ отъ пановъ Поляковъ людей
нашихъ Украинскихъ; то за тое не надѣ людми, але надѣ
овечками або свиннями полковниковати, все войско За-
порожское чинить вашей милости годнимъ. А я при семъ
прошу вашей милости вибаченя, въ чомъ невидогилемъ
ему въ убогомъ дому мосемъ въ Чигринѣ, на праздникъ
Святителя Христова Николая, и жемъ отъѣхалъ сюда на
Запорожке безъ вѣдома и позволеня вашего. Зъ Коша
Сѣчи Запорожской, декаврїя 27 року 1648.

Вашей милости всего добра зичливїи прїятель,

*Зпловїй Богданъ Хмелницкїй, товаришъ
войска Низового Запорожского.*

Р О З Д Ъ Л Ъ І V .

Листъ зъ Запорожя отъ Хмельницкого до комисара Полско-го на Украинѣ гетмановавшего.

Велможній мосцѣ пане Комисаръ и Гетмане нашъ Украинскій, ласкавій мой добродѣю,

Вѣдаю запевне, же велможность твоя нетилко подивуешся, лечь и за зле на мя мети изволишь, жемъ будучи подь дирекцією и завѣдованемъ твоей велможности, смѣлемъ безъ концессу и позволеня его, зъ дому моего сюди до войска Низового Запорожского отъехати; однакъ поневажъ съ причинъ слухнихъ тотъ отъездъ мой учинилемъ, надѣюся, же и велможность твоя того въ грѣхъ ставити мнѣ неизволишь. Причини зась тіи, для которихъ оставилемъ домъ мой худопахолскій, любо уже суть твоей велможности съ первихъ моихъ доношеній отчасти и вѣдоми, однакъ на сихъ недавнихъ часехъ отъ Чаплинско-го паницѣ, ошуста и здирци, старостки Чигринского, кгли надъ многін людскін тяжести и обиди, и самого мя надъ сподѣванесея поткало утѣсненіе и разореніе, же слободу мою Суботовскую, зо всѣми иншими кгрунтами и угодіями, безъ найменшой вини моей, онъ Чаплинскій себѣ захавши, виманилъ у мене и привилея Королевскія, на тіи добра мнѣ, за вѣрніе мои Его Королевскому Величеству и всей рѣчи посполитой Полскої радѣнія и служби наданіе; а надъ то, кглижъ просилъ въ той мѣре его Чаплинско-го на себе респекту и прирѣнія, и о верненіе виманинихъ привилеовъ, теи онъ паний и безрозумній, заразъ безъ жадного взгляду въ тѣсное тюремное межн злодѣями,

на крайнее мое безчестіе и поруганіе, велѣлъ мя вринуть
взяне, зъ которого заледвомъ выпросился чрезъ Чаплин-
скую четвертого дня у вечеръ. По первыхъ теди моихъ
килкократныхъ твоей велможности доношеніяхъ о люд-
скихъ и моихъ обидахъ, отъ Чаплинского дѣмехъ, кгда
жадной найменшой не дозналемъ помощи и полегки: теди
и теперь, въ крайней вишмененной нуждѣ моей и без-
честіи, мусѣлемъ въ ласце твоей велможности моей отстра-
дивати надѣи; и для чого уже болшей твоей велможно-
сти, въ такихъ моихъ и людскихъ обидахъ и тяжестехъ,
наприкратися бесполезно несмѣлемъ. Кгда зась къ тому еще
отъ певнихъ друзей моихъ увѣдомленъ есмъ певне, же
нещнота Чаплинскіи, неслушне и безвинне мене обезче-
стивши, и субстанцію мою себѣ отнявши, старался о тое,
аби и власного живота моего могъ мя лишити, и тимъ
безпечнѣи и спокойнѣи добрами моими пожитковати и
владѣти; тогда найбарзѣи уходячи такого злого и смерт-
ного термѣна, принужденъ есмъ зъ плачемъ и горестію
сердечною оставити домокъ мой, и зъ нимъ остатную фор-
туну, а удатися безъ вѣдома твоей велможности сюди на
Запорожже; где певень естемъ того, же шаленого и без-
душного Чаплинского жаднїи коварства и козни шкодити
мнѣ не будутъ, и лишенемъ живота страшити не возмогутъ,
нимъ удостоимся со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и на-
родомъ Украинскимъ Малоросійскимъ такой ласки Божой,
же подлугъ давнихъ привилеовъ Королевскихъ, на всякіе
волности и свободи Малоросіаномъ наданихъ, и новими
преповажними привилеями своими Его Королевское Вели-
чество, панъ нашъ милостивїи, и ясне велможнїе ихъ ми-
лость панове сенаторове короннїе и вся обще рѣчь поспо-
литая Полская насъ всѣхъ, за вѣрнїе служби наши, даро-
вати и упривилеовати изволятъ. О що ми, зо всѣмъ шля-
хетне уржонимъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Укра-
инскимъ Малоросійскимъ, непремѣнно на сихъ часехъ,

чрезъ нарочнихъ пословъ своихъ, мѣемъ до Его Королевскаго Величества и ясневелможнихъ пановъ сенаторовъ апеллювати и супляковати. А нимъ тое собудеться я теперь прошу велце твоей велможности, абись по своей ласце изволилъ домъ мой и оставленихъ въ немъ людей, отъ утисковъ и навожденій вражихъ Чаплинского, въ своей особливой заховати протекціи и оборонѣ; притомъ и самого мя вручаю не отчѣнной пріязни и ласце твоей велможности. Эъ Коша Сѣчи Запорожской, декаврія 27, року 1648.

Велможности твоей всего добра зичливій и до услугъ поволиній,

Зльновій Богданъ Хмельницкій, товаришь войска Запорожского Низового.

Р О З Д Ъ Л Ъ V.

Листъ зъ Запорожя отъ Хмельницкого до пана Николая Потоцкого, Гетмана велико-коронного.

Ясневелможнѣйшій мосцѣ пане, Гетмане великій корони Полской, миѣ велце милостивій пане и добродѣю ласкавій.

Невѣдаю, ежели въ жизни сей тяжчайшее что есть сердцу людскому яко тое, кгда безъ наименовой вини бывають въ кого отъемлеми власніе добра и имѣнія. Не знаю и того, хто би такъ былъ о себѣ небалимъ, кгдаби при отнятю добръ своихъ слышалъ похвалки отъ ворога и на отняте многого живота своего, а нестаралбися отъ та-

кого зла и напрасиства унести и охоронити свою голову. Невѣдаю тежъ и того, кромѣ святыхъ Угодниковъ Божіихъ, ктобы за свои обиды, безчестія и на власное здоровье ватованя, будучи въ свѣтѣ, могль весьма терпѣти, и во всеколючное ворогу оставити и пустити забвеніе.

Я власній въ такихъ теперъ зостаю термѣнахъ, кгда безъ жадной вини моей отстрадалемъ чрезъ Чаплинского власныхъ добръ моихъ, многими трудами и працами военными Королевскому Величеству Владиславу четвертому, щастливе теперъ пануючому, пану моему милостивому и прежднимъ Монархамъ Полскимъ и ясневѣдможнимъ паномъ сенаторомъ и цѣлой рѣчи посполитой Полской ложешими, набытихъ и привилеями Королевскими стверженныхъ: якіе чрезъ того-жъ Чаплинского обманомъ тожъ зостали отъ мене одобрани. А що найгорше я найжалоснѣйше, же по одобраню добръ моихъ и привилеовъ, онъ-же Чаплинскій, паний и безрозумній, тяжко мя обезчестилъ туремнимъ, тѣснимъ, четверодневнимъ между злодѣями вязенемъ, и ащеби не Чаплинская благоразумная и дармо погибающихъ людей жалѣющая Есфирь въ томъ бѣдствіи туремномъ вспомогла мя своею причиною и прозбою, то невѣдаю щоби далѣй отъ вражія навѣта Чаплинского зъ моею дѣлялося головою. Поневажъ зъ его-жъ Чаплинского дому, отъ одного друга моего былемъ перестереженъ въ томъ, ижъ онъ Чаплинскій отнявши добра мои, старался отняти зъ ними и животь мой; бо не по чіемъ иншомъ, тилко по его вражію коварству и навѣту и ваша велможность, добродѣй мой, приказалесь быль пану Кгречовскому полковнику Перелсловскому взяти мя нодъ крѣпкій арестъ, и держати въ ономъ до далшой своей резолюціи; якая, вѣмъ певне, же по навѣтахъ и лживыхъ Чаплинского уданяхъ, была-би не инакшая, тилко такая, якая и предъ симъ многихъ братію нашу, шляхетне урожонихъ Козаковъ, добрихъ

рищеровъ и вѣрнихъ Королевскому Величеству и рѣчи посполитой слугъ, зъ фалшивихъ доношеній и свѣдцествъ поткала, и вѣчне отъ жизни сея зъ животомъ разлучила. За що неправеднимъ свѣдкамъ и судіямъ да будетъ Богъ отмщеній, и необиуся Господь Богъ отмщеній; и якую едни въ доношеніяхъ на небожчиковъ братю нашу, а другіи въ разсужденіи ихъ дѣлали правду, таковую би отъ Бога въ своихъ замислахъ и хотѣніяхъ получили милость. Невиписую тутъ праць и трудовъ моихъ, для общого добра корони Полской и цѣлой рѣчи посполитой, въ многихъ военныхъ окказіяхъ, на рознихъ земляхъ и воднихъ мѣстахъ, противъ главного всѣхъ Христіянъ непріятеля бѣсурмана, зъ немалимъ власного здоровья ущербкомъ и крвѣ пролітіемъ, ложеннихъ: самъ о онихъ добре вѣдаешъ велможность ваша. Не всеу и Королевское Величество панъ мой милостивій, значною частью землѣ и кгрунтовъ въ повѣтѣ Чигринскомъ, ударовагъ мя, и привилеями своими висоцѣ—поважными тую даровизну ствердилъ есть. Лечъ видячи мою упреїмую ку себѣ и ку всей коронѣ Полской вѣрную службу, и въ военныхъ окказіяхъ зичливое радѣніе, судилъ мя зъ ясневелможными панами сенаторами коронними годнимъ быти таковія благодати своея и респекту, при которомъ непременно и я непременно до кончини моя зичилемъ себѣ зоставати, и за честь Королевского Величества и цѣлой корони Полской, во всякихъ военныхъ случаяхъ, здравія моего нещадѣти. Но невѣдаю откуда дадеся пакостникъ житію моему доброму Чаплинскій, бенкартъ Литовскій, опіакъ Полскій, злодѣй и здира Украинскій, старостка Чигринскій; которій чрезъ осмъ лѣтъ уже зостаючи въ Чигринщицѣ на дозорствѣ, отъ пана своего, велможного пана Конецполского хорунжого коронного, многихъ нашу браттю лживимъ свѣдцествомъ и доношеніемъ вовсе погубилъ и имѣнія ихъ себѣ привлащилъ. И уже повидимому не

панъ хорунжій коронній, но служка его лгарть, ошусть и паница Чаплинскій владѣть Чигринщиною, и изъ ней приобрѣтаеть себѣ многія користи и богатства, зъ крайнимъ разореніемъ и кривимъ плачемъ нашей брата шляхетнихъ Козаковъ и всѣхъ обще Украинскихъ Малоросіановъ. А ясневелможному пану хоружему заледво десятая часть пожитковъ отъ Чигринщини отъ него злодуги Чаплинского доходитъ; що певне явилобися на ревѣзій, кгда би была учинена. Але я на тое не инстигую, поневажъ миѣ то есть неприлично и неналежно; о томъ еще тилко дерзаю до вашей велможности въ семь писмѣ моемъ мало простерти слова, ижъ помененій Чаплинсій, гонячи на всѣхъ насъ Малоросіановъ, гонитъ неуважне и безрозумне и на вѣру Православную, пезаховуючи въ цѣлости и твердости уставовъ и мандатовъ древнихъ Королевскихъ, вѣру нашу Православную Кгрекорускую непремѣнно во вѣки въ своихъ клявзуляхъ зоставати мѣуючу, привилеями утвержденныхъ; и где колвекъ лучится ему зъ нашими Православными священниками видѣтися и бесѣдовати, то никогда вражди и злоби синѣ, Чаплинскій, не оставитъ ихъ не обезчестивши, волосовъ и борода не вирвавши, и кіемъ albo обухомъ реберь добре не потовкши. Що всякъ зъ насъ Православнихъ чуючи, и кровь священническую проливаемую и ругаемую видячи, можетъ snadно домислитися, же и вѣра наша Православная Кгрекоруская (въ ней же премногіи Святіи Божіи спасошася, и отъ килканадцать сотъ лѣтъ, въ разнихъ, на многихъ мѣстцахъ, въ нетлѣннихъ Богоугоднихъ тѣлесехъ своихъ спочивающе, многіи подають приходящимъ къ нимъ съ вѣрою исцѣленія, и дивная истачають чудотворенія) зостаеть отъ ошуста и ледащицѣ Чаплинского и инихъ ему подобнихъ и легкомыслнихъ Поляковъ хулима и безчестуема. И що прежніи Святіи Отци Кгреческіи и наши Святители Кгрекорускіи и вѣчної памяти достойшіи также

Монархи и Князи Полскіи за рѣчь слушную и святую, вѣру нашу Православную узнали и признали, и вѣчными привилеями своими ни въ чомъ непремѣнно быгь ей утвердили; тое шевлюги, пяницѣ и власніи зраицѣ отчизни своей корони Полской, и разорителѣ святого покоя и тишины (якъ и Чаплинскій) развращаютъ, раздираютъ и уничтожаютъ. Зъ которихъ поневажъ трудно намъ поединцемъ во всѣхъ обидахъ и утискахъ нашихъ дойти управи у судовъ Полскихъ и справедливости; теи за прибутемъ моимъ тутъ до Сѣчи, урадило все войско Запорожское виправити пословъ своихъ до Найяснѣйшого Королевского Величества, пана своего милостивого, и ясне велможнихъ ихъ милостей пановъ сенаторовъ короннихъ и цѣлой рѣчи посполитой Полской, зъ прошеніемъ покорнимъ, аби тіе новизни, збитки, утяжена и разоренія Украинскіе грознимъ указомъ были завстягнени и ускромлени. А древніе права и волности Козацкіе и Малоросійскіе, подлугъ давнихъ привилеовъ, новими Найяснѣйшого Королевского Величества привилеями, аби были ствержени и закрѣплени, при захованю въ ненарушимой цѣлости вѣри нашея Православній. Якіе то войска Запорожского послаи, на сихъ часехъ, непремѣнно мѣють виехати въ путь свой. А я, виездъ ихъ уперечаючи, якъ о онихъ, такъ и о моемъ зъ Чигрина до Сѣчи Запорожской, для причинъ и небезпеченствъ моихъ випмсненнихъ, виездѣ вашей велможности ретелне извѣстивши; егожъ не отмѣнної панской ласпе навсегда покорне мя вручаю. Зъ Сѣчи Запорожской, декамврія 29, року 1648.

Вашей ясной Велможности во всемъ зичливій и слуга
покорній

*Зьновій Богданъ Хмелницкій, товаришъ
войска Запорожского.*

РОЗДѢЛЪ VI.

*Листъ отъ Хмѣлицкого зъ Запорожя до хоружого коронного,
а державцы на тотъ часъ Чигринского.*

**Ясневелможній моснѣ пане хоружій ко-
ронній, мей добродѣю.**

Жадной претензіи и апелліци не шѣлъ биятъ къ велмож-
ности вашей, кгдабы миѣ Чаплинскій, дозорца вашъ Чи-
гринскій, не отворилъ воротъ до того; леть поневажъ оиѣ
Чаплинскій именемъ вашей велможности одобралъ отъ ме-
не слободку мою Суботовку, моимъ старанемъ осаженную
на кгрунтахъ (за мои многіи праца и труды, въ военнихъ
оказіяхъ противъ непріятеля бѣсурмана, зъ ущербкомъ
здоровя и пролитемъ кровѣ, для общого добра корони Пол-
ской отпривованія), миѣ отъ Найяснѣйшого Королевского
Величества Владислава четвертого, папа моего милостиво-
го, ясневелможнихъ ихъ милостей пановъ сенаторовъ и
цѣлой рѣчи посполитой Полской надашихъ, и привилеожъ
Королевскимъ во вѣчное спокійное владѣніе закрѣплен-
нихъ; при одобрано засѣ тоей слободы и ишихъ зъ нею
кгрунтовъ, одобралъ въ мене оиѣ Чаплинскій и претоваж-
ній привилей Королевскій, о которого вернене кгдамъ упо-
минался зъ прозбою въ него Чаплинского, то оиѣ шлий
и безрозумій приказалъ яя въ тѣсное туремное межп зло-
дѣе втругити вязепе, зъ которого четвертого дня позно,
заледвомъ чрезъ причину и прозбу доброй и благоразум-
ной цевѣсти жени Чаплинского, зосталъ освобоженъ: теди
припужденъ есмъ зъ тихъ мѣрть, чрезъ сеі листъ мой одоз-
ватися зъ жалобою моею плачливою до вашей велможности,
по таковой моей отъ Чаплинского заданой кривдѣ, ра-

зореніи и тяжкомъ безчестіи учинити ему донесене. Хочай теди даю о томъ вѣдати вашой велможности, однакъ за отлеглою мѣста (поневажъ вигнаній и вистрашеній будучи чрезъ Чаплинского зъ власного дому моего, застаю теперъ въ Сѣчи Запорожской) немогу зъ нимъ Чаплинскимъ предъ поважною твоей велможности персоною отое расправоватися, и не ищу теперъ росправи; толко дивуюся тому, что ваша велможность тому бенѣкарту, ошіяковѣ, злодюжѣ и бездушному здирици и кровопійцу людскому, Чаплинскому шаленому, вручилъ еси Чигринское дозорчество, которій своимъ нецнотливимъ збитками и поступками, не на кого иного, тилко на самого велможность вашу людскій плачь и слези; а отъ Бога помсту наволякаетъ. Бо кгдиби вѣдалъ ваша велможность о томъ ледащицѣ Чаплинскомъ, якъ онъ людей бѣднихъ Малоросійскихъ Православнихъ Христіянъ и Козаковъ шляхетнихъ, вѣрнихъ корони Полской слугъ, также и священниковъ нашихъ благочестивихъ побиваетъ, утеменжаетъ, безчествуетъ, розгонитъ, ругаетъ, обдираетъ и вконецъ разоряетъ (що и мнѣ отъ него досталося), то певне нетилко за дозорцу Чигринского, але и за найпоследнѣйшого грубника или машталѣра у поважномъ дому своемъ держати его неизволилъ бись: що все на него Чаплинского (и колко завель, покралъ и себѣ привлащилъ користей и добръ твоихъ панскихъ, чрезъ осмь лѣтнее время), при ревѣзії и розиску, неперемѣнно довелобися. Но я до того якъ неналежу, такъ и не инстигую; воленъ въ томъ естесь велможность ваша якъ хотѣти поступити; я тилко жалъ мой тяжкій во обидѣ и безчестіи мнѣ отъ Чаплинского заданой, вишь специфѣкованній, предлагаю тутъ вашей велможности, и прошу велце, даби уномнѣлъ и приказалъ ваша велможность нецнотѣ Чаплинскому не разоряти въ конецъ безъ мене убогого дому моего; нимъ що лутшее и полезнѣйшее Украинѣ Малоросійской, чрезъ нарочнихъ пословъ войска Запо-

рожского, на сихъ часехъ зъ Сѣчи виправитися мѣючихъ, у Наяснѣйшого Королевского Величества и ясневелможнихъ пановъ сенаторовъ и всей рѣчи посполитой исправитися и упроситя. При семъ низко кланяюся вашей велможности. Зъ Коша войска Низового Запорожского, декаврія 30, року 1648.

Вашей велможности всего добра личней и до услугъ поволий Богданъ Зпновій Хмелницкій, товаришъ войска Запорожского.

Р О З Д Ъ Л Ъ VII.

О віездѣ Хмелницкого зъ Сѣчи до Криму; о бытности его тамъ; о виконаню присяги предъ Ханомъ; о приязнь и увевненю Ханскомъ взглядомъ дання войскъ Крымскихъ на Поляковъ, и о дисшкреціи Ханской въ день Воскресенія Господня ку Хмелницкому явленной.

Тіе предписанніе всѣ листи отпавилъ Хмелницкій зъ Сѣчи Запорожской до помененого Барабаша, полковника Черкаского, зъ такимъ желаніемъ, аби онъ переслалъ ихъ до комисара Полского. Самъ тежъ Хмелницкій чрезъ два мѣсяцѣ, генварь и февраль, промешкалъ въ Сѣчи, зъ атаманнею куренною и изъ Кошовимъ, тайно совѣтуючи о подлежащей на Поляковъ войнѣ; а между войскомъ розголошаючи тоє, же мѣеть виправовати пословъ до Короля и всего сенату Полского, зъ прошеніемъ отъ всего войска Запорожского и ароду Малороссійского о подтвержене древнихъ своихъ вволностей и правъ, и о поскромлене пановъ Польскихъ

ихъ дозорцовъ, на Украинѣ застающихъ, утиски тежъ и бѣдствія Малоросіянъ творящихъ: якую поголоску въ Сѣчи между войскомъ пуцано не для чого иного, только для того власне, аби Поляки чрезъ своихъ шпиговъ (которыхъ отнюдь невозможно было устеретися) неவிбадалися о иномъ противъ себе военномъ Хмелницкого замыслу. По вѣістю зась двохъ мѣсяцей предпомененныхъ, марта числѣ первихъ, зъ совѣтомъ Кошового и всеі атаманиѣ куренной, віехалъ Хмелницкій зъ своимъ товариствомъ зъ Сѣчи, будто для лучшей своей и конской выгоды, въ островъ Томаковскій, низше Сѣчи въ килко миль на Днѣпрѣ застающій. А въ самой рѣчи віехалъ онъ до Криму; где прибувши, и Хану Крымскому въ Бакиѣсарай о себѣ извѣстивши, получилъ по приказу его Ханскомъ тамъ-же квартиру, въ одного значного и богатого Арменина Бакиѣсарайского, отъ которого по приказу Ханскомъ въ кормахъ и напиткахъ всякое было Хмелницкому зъ товариствомъ его доволство, ажъ до того времени поколѣ зъ Криму віехалъ. Потомъ Хмелницкій зъ тиждевь на квартиру своей проживши, и зъ нѣкоторими мурзами обознавшись, просилъ ихъ о докладѣ Хановѣ, аби могль зъ нимъ видѣтися и свои нужди, для которыхъ прибылъ въ Крымъ, ему предложити. Кгда прето ти мурзѣ доложили о томъ Хану, теи преночовавши заразъ велено Хмелницкому прійти до Хана; которій когда прибылъ въ избу Ханскую, тогда вдяче былъ отъ самого Хана а не чрезъ толмача привитанъ и поздоровленъ, зачеже Хмелницкій тому Хановѣ зъ прежде бывшихъ военныхъ окказій былъ отчасти вѣдомъ и знаемъ. Къ тому и тоє ему Хмелницкому за особливое было щастя, же Ханъ добре зналъ языкъ Козацкій, для чого тамъ толмача непризвано; но всеі нужди и интереса Хмелницкого самъ Ханъ вслухивалъ, и самъ на все отвѣтовалъ. Послѣ того малъ не що дня Хмелницкій бывалъ у Хана, и о всемъ о чемъ

належало розговориваць на единѣ и публично, просячи прилѣжно войска Крымского въ помощь себѣ на Поляковъ; чому Ханъ любо не отмовлялъ цѣле, однакъ долго зъ тимъ розмішлялся и изъ мурзами своими совѣтовадь, чи дати войска Хмельницкому, чили недати. Бо домишлялся Ханъ и того, же Хмельницкій чи не нарочно отъ Ляховъ въ Крымъ виправленъ, чтобы обманомъ вывести Орду въ Подшу, и чрезъ готови войска Лядскіи оную вигубити. О которомъ мѣстни и вонтпленю Ханскомъ когда Хмельницкій отъ нѣкоторихъ знаемихъ мурзъ зосталъ увѣдомленъ, тогда чрезъ тихъ-же мурзъ сказадь до Хана, же нецѣлко готовъ на томъ присягнути, ижъ безъ жадной обмани и лести потребуеть войска Крымского на Поляковъ, але и сила своего при боку Ханскомъ, для лучшаго вѣроятія, въ закладъ зоставити готовъ естѣ. Що Ханъ услышавши, радъ тому былъ, и до всѣхъ желаній Хмельницкого склонившимъ началъ являтися. Часу тедр одного, при доволнихъ розмовахъ, и при многихъ мурзахъ и инихъ начальникахъ Крымскихъ, кгда востребовалъ Ханъ отъ Хмельницкого виконаня обѣщанной присяги, подлуъ своего бѣсурманского звичаю, тогда Хмельницкій велѣлъ дати себѣ шабдю Ханскую, которая когда прицесена и дана была ему въ руки, тогда онъ винявши еи зъ пѣховъ, предъ лицемъ Ханскимъ поццловалъ въ голое желѣзко, таковую предъ всѣми вслухъ вимовивши роту: «Боже всея видимія и невидимія твари Создателю и помиллений людскихъ Свѣдче! присягаю Тебѣ на томъ, ижъ що потребую и прошу у его Ханской милости на помощь себѣ войска Крымского, то потребую по правдѣ и истициѣ, безъ жадного коварства и зради; а еслиби иначеи мѣло дѣятися зъ стороны моеи, ку шкодѣ его Ханской милости, то допусти на мя, Боже, тое, даби тоеюжъ шаблею животь мой былъ доконченъ, и глава моя отъ гѣлесѣ моего зостала отлучена.» По которой Хмельницкого присяги виконаню,

заразъ якъ самъ Ханъ такъ и всѣ начальники Крымскіи, тогда при Хану бывшіи, учинилися радостни, и дали Хмелницкому руки на томъ, же помогати ему на Поляковъ, поколь скончится война, завше будутъ готови; звлаша и свои особніи на Поляковъ имѣючи претензіи о упоминки, здавна отъ Поляковъ Крымовѣ даватися обѣщанніи, а чрезъ немалое уже время надъ постановлене не отдаваеміи и не унизаеміи. По такомъ теди приговорѣ и упевненію, еще Хмелницкій забавилса въ Бакцѣсараѣ до свѣтло торжественного Воскресенія Господня Праздника, которій былъ априля 2, того-жъ 1649 году, и до проводовъ, що денне въ Хана бываючи, и не заборощую о всемъ конференцію зъ нимъ всегда мѣваючи. А тимъ часомъ приказаль Ханъ значному и важному мурзѣ Крымскому Тугай Бело, въ чтиротисячномъ числѣ военной Орди Крымской, въ походъ за Хмелницкимъ готовитися на Украину Козацкую. Между святи воскресенскими, кгда гулялъ Хмелницкій на своей квартирѣ, яка не оподаль была отъ двору Ханского, и велѣлъ часто стрѣляти Козакамъ своимъ зъ мушкетовъ, тогда Ханъ тотъ стукъ мушкетній почувши, спросилъ своихъ слугъ домашнихъ—кто то и для якихъ причинъ стрѣляетъ,—на що кгда отказано Хановѣ, же то стрѣляютъ Козаки Хмелницкого на своей кватирѣ, празднуючи радбствій Праздникъ Господень, еже есть подлугъ бѣсурманского нарѣчія байрамъ великій, тогда Ханъ зъ такою явился дшкрецією ку Хмелницкому, же заразъ зъ дому своего на кватеру его приказаль одослати три куффи вина, пять биковъ и пятнадцать барановъ; що Хмелницкій одобравши, велѣлъ Козакамъ своимъ пити, гуляти и частѣйше зъ мушкетовъ палити.

Р О З Д Ъ Л Ъ VIII.

О врученю отъ Хмелницкого сына своего Хановъ; о отпуску Хмелницкого отъ Хана зъ Тугай Беоми и Ордою зъ Криму на Украину; о венерации и подарункахъ Ханскихъ, при отклонъ Хмелницкому и Козакамъ его данихъ; о провіантъ и прихилности Ханской ку Козакамъ; и о приготованнюся Кошового зъ войскомъ на прїездъ съ Криму Хмелницкого.

По проводахъ Воскресенскихъ заразъ упросилъ Хмелницкій Хана о отпускъ себе зъ Криму на Украину; и приведши сына своего старшого Тимоша предъ Хана, вручилъ ему въ опеку и въ закладъ до времени приличного; которому Ханъ на той же кватерѣ въ Арменина велѣлъ жити, гдѣ и самъ Хмелницкій стоялъ и що день велѣлъ ъму предъ лице свое являтися, а зъ дворомъ его Ханскимъ и зъ мурзами Крымскими обознаватися; кормъ тежъ, и всякое доволство ему Хмелниченковѣ, зъ людьми при немъ будущими, зъ двору Ханского на квартиру его помѣсячно выдавано, зъ особливимъ господаревѣ Армениновѣ приказомъ, аби не безъ дншкреціи обиходился зъ своимъ гостемъ, сыномъ Хмелницкого.

Передъ віездомъ Хмелницкого зъ Бакцѣсараю, призванъ былъ предъ Хана предъ писанній Тугай Бей мурза, и одержалъ отъ него ординансъ, аби зъ назначеннимъ чтиротисячнимъ числомъ Орди Крымской ѣхалъ при Хмелницкомъ на Украину, и подъ его застаючи комендою, во всѣхъ военныхъ случаяхъ на Поляковъ былъ ему поволень и послушенъ, при захованю особливомъ отъ себе во всемъ чулости и осторожности, для цѣлости войска своего Крымского. А на самомъ віездѣ зъ Бакцѣсарая, въ четвертокъ

апреля 13, былъ Хмелницкій зъ нѣсколкома товаришами своими и сыномъ, также и зъ Тугай Беомъ мурзою у Хана на обѣдѣ, и довольно былъ учрежденъ и увенерованъ; а при отклонѣ, таковую Ханскую получилъ милость Хмелницкій, ижъ ударованъ zostалъ отъ него панциромъ Черкескимъ зъ мѣсоркою и карвашами, зъ сайдакомъ моднимъ, зъ лукомъ, стрѣлами и шаблею подъ позолотою Черкескими-жъ, двома конми барзо форемними Подунайскими, въ сѣдлахъ и рондахъ легкихъ але велце моднихъ Черкескихъ, янчаркою вишменитою, наконецъ кафаномъ рожевимъ доброго и богатого зотоглаву, и куптушомъ найпредѣйшого темнозеленого сукна Французкого, найвыборнѣйшими подшитіи сѣбѣрками; що все тогдажъ шацовано на три, або и чтири тисячи левовъ. Якіи подарунки Хмелницкій отъ Хана влаче принявши, и зъ низкимъ поклономъ его пожегавши, силень и шумень отъ вина Ханского будучи, радостно отъѣхавъ зъ Тугай Беомъ и Ордою отъ Бакиѣсарану въ предлежащій на Украйну путь свой. Невиражаю тугъ подробну того, яковимъ провіантомъ Хмелницкій отъ Хана на дорогу вспоможенъ, только докладаю, ижъ хлѣбомъ, мясомъ и виномъ, нѣби сынъ отъ отца, изобилно былъ обдаренъ и вспоможенъ; также и товариство его все не безъ дискреціи Ханской, но ударовани сукнями, мусулбесами и сафянами будучи, зъ Криму зъ Хмелницкимъ отъѣхали. Якася особливая внутрняя того Хана ку Козакамъ была симпатія и прихляность, ижъ такъ, яко вишеі наменилось, ласкаво и милостиво имъ оказывался и отпустилъ зъ Криму. Отъѣхавши теди Хмелницкій съ Тугай Беомъ и Ордою отъ Хана, чинилъ иплній посигѣхъ въ своей дорозѣ, такъ, ижъ у Казикеремей Двѣирь переправивши, пятого дня стануль въ Сѣчи Запорожской, апреля 18; а Тугай Беовѣ зъ Ордою велѣлъ стояти у Базавлуку. Атамакъ зась Кошовій, подлугъ намови и ради зъ Хмелницкимъ, предъ

віздомъ до Криму бывшой, сподѣваючися уже его о томъ часѣ зъ Криму поворотѣ, зтягнулъ зъ луговъ, вѣтокъ и рѣчокъ все войско Низовое Запорожское, конное и пѣшое, предложивши имъ, ижъ певная есть потреба того ихъ къ Сѣчи Запорожской прибиття и совокупленія, а для чого именно, того имъ не освѣдчилъ до самого зъ Криму на Кошъ Хмелницкого поворотѣ. Барзо штучне и ростропне Хмелницкій зъ Атаманомъ Кошовимъ и куренною атаманною Сѣчовою урадилъ и поступилъ, ижъ не тилко о его замислахъ и въ Кримъ отъѣздѣ Поляки, чрезъ своихъ до Сѣчи подсилахъ прелагатаевъ, не могли истотне вивѣдатися; але и свое войско Низовое Козацкое отнюдь (кромѣ самой атаманнѣ) о томъ не вѣдало до самого повороту его Хмелницкого зъ Криму на Кошъ Запорожскій. А если би вѣдало о томъ свое войско Козацкое певне вѣдали би и Поляки, и еслиби Поляки вѣдали, то певне приготавлилися на лутшую встрѣчу противъ Хмелницкого, ижъли учинили, стративши легкомыслне чрезъ оную честь свою рицерскую, и вѣчную ганбу навлекли на цѣлую корону Полскую; о чомъ впередъ, на мѣстцу приличномъ, ретелне выражено будетъ.

РОЗДѢЛЪ ІХ.

О прибытіи Хмельницкого зъ Криму въ Сѣчь; о поставленіи его Гетманомъ, и о врученіи ему войсковыхъ клейнотовъ и войска Запорожского; и о числѣ всего войска того; о охотѣ войсковой на войну; о триумфѣ по учиненіи Гетмана бывшомъ; о числѣ войска зъ Хмельницкимъ избравшагося; о дискреціи Кошового къ Тугай Бегу показанной; о осторожности Хмельницкого; о пойманыхъ чрезъ Орду шпъгахъ Лядскихъ, и о полученіи чрезъ нихъ вѣдомостей; о войскахъ Польскихъ и реестровыхъ Козаковъ; о писарахъ Сѣчовыхъ, зъ которыхъ еденъ данъ Хмельницкому; и о діарііи Хмельницкого, чрезъ Зорку Самоила писанномъ.

Кгда теде предъ заходомъ слонца прибылъ Хмельницкій зъ Криму до Сѣчи Запорожской, маючи зъ собою и чтирохъ Татаръ значнихъ, отъ Тугай Бея приданихъ, тогда Атаманъ Кошовій зо всею атаманною куренною радостними привитали его сердцами; кгда къ тому отъ него увѣдомилися о прихилности и ласцѣ Ханской къ нему Хмельницкому и ко всему войску Запорожскому явленной, и о данной Ордѣ зъ Тугай Бегомъ Мурзою на помощь Хмельницкому противъ Поляковъ. Жеби прето на завтришній день войско конное (бо пѣхотное все уже было въ Сѣчи), въ полю и по лугахъ близко Сѣчи зъ конми зостававшее, могло до Коша для настоящего дѣла собраться; того ради по заходѣ слонца, зъ троухъ наиболшихъ штукъ, подлугъ давнего звичаю Запорожского вдарено, и переночовавши на свѣтаню знову зъ тихъ же троухъ штукъ тоежь гасло вчинено. Егда же разсвѣнуло, и слонце огнезрачній и ясно блистателній свои по всей поднебесной разліяло лучи, тогда заразъ войска Козацкаго конного до Сѣчи значная

собралася квота, поневажъ всего того конного и пѣшого войска Низового Запорожекого на тридцать тысячъ зъ лишкомъ на тотъ часъ исчислялося. А кгда вдарено въ котли на раду и усмотрѣно, же для такъ великой дѣлчи войска тѣсець былъ майданъ Сѣчовій, того дѣла мусѣлъ Атаманъ Кошовій зъ Хмелницкимъ и зо всѣмъ войскомъ вѣйти зъ фортеци Сѣчовой на майданъ простиранѣишій; где кгда всему войску объявлено и виразне сказано начинаемое военное противъ Поляковъ дѣло, за обиди и тяжести Козацкии и всея Малія Россіи, отъ Поляковъ твориміи, и кгда при томъ ознаймлено, же Ханъ Кримскій къ войску Запорожекому есть прихилень и любовень, и не только отпустилъ зъ Хмелницкимъ Тугай Бей знатного мурзу зъ чтирма тысячами Орди Кримской, але и самъ со веѣми Ордами (если того укажетъ потреба) готовъ будетъ прибути къ войскамъ Козацкимъ въ помочь на Поляковъ, давши въ себе мѣстце прилежному Хмелницкого о тое прошенію, повѣривши тежъ прислзѣ Хмелницкого, и принявши себѣ въ закладѣ Тимоша старшого сына его; тогда заразъ единими усти и однимъ сердцемъ все войско Хмелницкого Гетманомъ своимъ назвало и постановило, априля 19; а въ замислахъ его военныхъ противъ Поляковъ стояти при немъ всегда до остатной утрати живота своего обѣщалося. По якой елекциі, заразъ отъ Кошоваго посланъ до скарбницѣ войсковой писарь Сѣчовій, зъ пѣсколкома Атаманами курѣбными и инимъ значимъ товариствомъ, взяти тамъ и привести въ раду клейноти войсковіи; тѣмъ прето посланніи въ скарбницѣ бывши, и клейноти приказанніе взявши, вскорѣ принесли до ради и вручили ихъ заразъ Хмелницкому. Клейноти зась именно были тѣмъ: короковъ королевская златописанная, барзо красная; бунчукъ тожъ велце модіиі, зъ позлоцѣстою галкою и дрвцемъ; булава срѣбная позлоцѣстая, зѣло майстерно здѣланная и каменіемъ честнымъ украшенная; печать срѣбная войсковая, и котли по-

віи мѣдніи великіи зъ добошемъ; къ тому тежъ и три штуки армать полевихъ легкихъ, зъ достаткомъ пороху до нихъ и куль, зъ арматами и пушкарами. По учиненю засъ Хмелницкого Гетманомъ, и по врученю ему предъ поменихъ клейнотовъ войсковихъ, заразъ войско поздоровивши Хмелницкого на новомъ Гетманствѣ, зъ такою къ нему одозвалося охотою, ижъ все, колко его на радѣ было, готово зъ нимъ ити на войну подлежащую; лечъ тое взято на далшее разсмотреніе; и зъ тимъ отвѣтомъ войско едно розійшлося по куреняхъ, а другое при Хмелницомъ и Кошовимъ пошло въ церковь на службу Божию, до которой тогда власне задзвонено, когда вищъ писанное войсковое дѣло въ радѣ бывшей докончилось. По вислуханю теди люторгин святой и благодарственнаго молебня, абіе по приказу Атамана Кошового вдарено на котлахъ, отдаючи хвалу Богу, вся благая строящему; потомъ зо всѣхъ армать (якихъ было около пятидесяти) випалено. А послѣ армать, всѣ пѣхоти, въ шикахъ посередѣ майдану Сѣчового и за Сѣччу стоявшіе, которыхъ болшъ десяти тысячъ знайдовалося, зъ мушкетовъ своихъ випалили, и трикrotnie тое огня палене зъ армать и мушкетовъ учинивши, розошлися по куреняхъ на обѣди свои. А Хмелницкій новій Гетманъ, зъ атаманнею куренною Сѣчовою, позванъ на обѣдъ до Атамана Кошового, въ которого пообѣдавши и мало погулявши, розошлися по куреняхъ для спочивку: негуляли для того долго, ижъ всякъ (а особливе Хмелницкій) имѣлъ свое на мислѣ. Спочивши засъ мало, Хмелницкій и атаманя курѣнное знову зійшлися до Атамана Кошового, где о многихъ рѣчахъ розговоруючи и совѣтуючи, постановили и тое: абіе войска Запорожского конного не болше отъ осми или десяти тысячъ при Хмелницкомъ ишло на Украину, а иное все абіе розошлося на свои мѣстца и здобичи; однакъ абіе зоставало въ поготовости до военной компанѣи, если би зайшолъ ординансъ Гетманскій и Кошового; при якомъ приватномъ со-

вѣту, велено вдарити въ котли и изъ двоухъ штукъ болшихъ, звиваючи войско знову въ собраніе до Сѣчи; которое предъ пѣніемъ вечернимъ скоро собралося, заразъ одержало и декларацию отъ Хмелницкого и Кошового, колко ити при Хмелницкомъ на Украинну; що почувши, и за тотъ ординасъ имъ подяковавши, розѣхалося и розійшлося всякъ до своихъ промысловъ и здобичей рибнихъ и звѣриннихъ, а толко осталося охотниковъ коннихъ, военныхъ мушкетеровъ и сайдакеровъ на осмь тысячь злишкомъ; бо уважалъ Хмелницкій зъ Кошовимъ тое, ижъ скоро придутъ на Украинну, то заразъ и войска Козацкого городского къ нему примножится; щося и стало.

Кошовій Атаманъ увѣдомившися отъ Хмелницкого где въ полю зостаєть Тугай Бей зъ Ордою, обослалъ оного доволнимъ хлѣбомъ, виномъ, рибами и мясомъ, зъ взаимною къ нему являючійся дишкрецією за дишкрецію Ханскую, въ Криму Хмелницкому явленную. Хмелницкій зась розійздячися зъ Тугай Беомъ до Сѣчи, а ему приказавши стояти зъ Ордою въ Баравлуку или где индей вишше Сѣчи на мѣстцу приличномъ, приказалъ значную и пильную держати сторожу на шляху отъ Чигрина и Переволочной до Сѣчи лежачомъ, и хтоби колвекъ, чи то зъ городовъ Малороссійскихъ до Сѣчи, чили зъ Сѣчи въ городи мѣлъ простовати, тихъ всѣхъ аби за сторожу брано, и до его Хмелницкого указу неотпустне держано; що и сталося, ибо чрезъ тіе три днѣ, поколь Хмелницкій віехалъ изъ Сѣчи зъ войскомъ и злучился зъ Тугай Беомъ, поймано на шляху Сѣчовомъ чрезъ Татаръ человѣка подъ десятокъ подзорнихъ; но Хмелницкій злучившися зъ Тугай Беомъ, либо чаялъ же между тѣми пойманцами суть шпѣги отъ Ляховъ до Сѣчи виправленніе, якожъ и было такъ, однакъ обширними допросами небавячися, а зъ повѣсти ихъ о Гетману Коронномъ, также и о сину его Гетманскомъ зъ войскомъ ку Кодаку противъ Хмелницкого виправленномъ,

и о Козаках реестровихъ, Диѣвромъ въ байдакахъ ку Кодаку-жъ посланихъ, совершенно извѣстившия, чинилъ поспѣхъ у маршу своемъ; а пойманцовъ въ путахъ желѣзныхъ при арматахъ за собою велѣлъ провадити.

Въ тоє время гдѣ прибылъ Хмелницкій зъ Чигрина до Сѣчи, было на Кошу два писарѣ барзо добрихъ, и въ рѣчахъ писарскихъ языкомъ Славенскимъ и Полскимъ добре цвѣчонихъ: еденъ старѣйшій Степацъ Брацлавскій, а другіи молодшіи Самонлъ Зорка зъ Воляня; зъ тихъ убо старѣйшій на Кошу зоставленъ, а молодшіи зъ Хмелницкимъ зъ Сѣчи отпущенъ, запеже онъ и въ Криму былъ зъ нимъ Хмелницкимъ; тотъ убо Зорка, чрезъ увесь часъ войны Козацкой зъ Поляками бывшой, зостаючи писаремъ и секретаромъ при Хмелницкомъ, о всѣхъ рѣчахъ и поведеніяхъ совершенно вѣдалъ, а досконале и пространно въ діаріушѣ своемъ оніє описалъ, которіи діаріушъ былъ въ товариша моего Силѣвестра Биховца, канцеляриста войскового, Его-же отецъ, Іоанъ Биховець, при того бочнихъ Чигринскихъ Гетманахъ бѣ канцеляристомъ, и тамо тотъ Хмелницкого дѣяній діаріушъ переписалъ былъ себѣ: изъ него-же азъ (взявши въ сина его помененного, товариша-же моего) зѣло сокращениѣ потребиѣише и нужиѣише Хмелницкого восниихъ сукцессовъ вичерпнувши и понотовавши рѣчи, потрудихся въ сей моеї книзѣ оніє положить и выразити. Аще-же въ томъ пререченого Самоила Зорки діаріушѣ были ретелне положени листовніи Хмелницкого о тогданихъ дѣдахъ и поведеніяхъ, до постороннихъ Монарховъ и владѣтелей корреспонденціи, по я ихъ (аще и велце были потребни) безъ переписаня оставилемъ, едно краткости послѣдствуя, другое и часу поволного на тоє неимѣя, всегдашними и непрестанными въ канцелярін войскової писарскими будучи обовязанъ и отягощенъ дѣлами.

Р О З Д Ъ Л Ъ Х.

*Отрєзъ знакахъ предъ войною Хмелницкого бывшихъ, и
тѣва Божія обонь, Полскому и Козакорускому народамъ,
скорое наитіе прознаменовавшихъ.*

Нижъ зачну близко наступающее военнихъ Хмелницкого дѣлъ зъ Поляки поведєніе, и многое обонхъ (Козакоруского и Полского) прєславнихъ въ Европѣ народовъ, въ междуособиѣ бывшомъ зъ великимъ ихъ ущербомъ и повреждєніемъ, кровопролитіе жалоснимъ вспоминати и описовати сердцемъ, судихъ за благо: прикладомъ Самонла Твардовскаго, тую Хмелницкого войну вѣршомъ Полскимъ описавшого: ꙗко положити первѣе предъ войною тою бывшіе знаки, зъ придаткомъ ихъ толкованя отъ мѣлкого разума и разсмотрѣнія моего.

Зъ тихъ убо знаковъ первій рокомъ предъ тою войною бысть—великое надъ звычайѣ, въ день пятка страстного, слонца измѣненіе и затмѣніе; вторій потомъ—комета, отъ давнихъ лѣтъ невиданная, являлася на небѣ по заходѣ слонца, чрезъ дней дванадцать; третій—саранча великая нѣгдѣсь уродившись и нашедши, предъ самимъ тоя междуособніа домашніа войны зачатіемъ, въ землю Полскую, всѣ травы и збожа въ ней позъедала и виницила: що все люде старіе и разумніе за гнѣвъ Божій ку собѣ бывшіи вмѣняли, и пришлого несвѣдомого каранія его Божественного на себе чаяли, якое ихъ и не минуло; ибо за умноженіе беззаконій, изсякла бѣ любовь въ многихъ, безъ нея—же умножися и преуспѣ во чєловѣцєхъ гордость, пенавиость, вшептєчество, песитство многаго имѣнія и сребролюбія, заздорность, пиха, вражда, гнѣвъ, обиди и нїе Богу противніе и мерзкіе дѣянїя; за которіе по предъ описанныхъ знакахъ, наступовало праведное Божественное каране; якое же каране постигнути мѣло, мощно было зъ знаковъ по-

мененихъ , по разсмотрѣнію умному и по тогдaшнeму состоянію военному домислитися. Ижъ первій знакъ—затмѣне слонца , могъ назначати тое , что многіи панове , високими фамилїями и ясними своихъ преэмѣненцій и гоноровъ титулами въ мїрѣ семъ блещавшіи и свѣтившіеся , мѣли тогда чрезъ военной прогрессъ потемнѣти , и отстрадавши живота своего зо всею субстанцією и славою скоро-преходящою и яко димъ отъ лица вѣтра ищезающею , ищезнути и въ персть вселитися. Вторій знакъ—мѣтла albo розка , не иное что могъ предвозвѣщати точію сіе , ижъ многіи отъ земнородныхъ всякаго чина челоуковъ , за звоа беззаконїя , мѣли тогда того-жъ гнѣва Божїя розгоу ударени быти , а мѣтлою не тилко отъ началствъ своихъ , но и отъ временїя жизни сея изметенними зостати. Третій знакъ—саранча , могъ прознаменовати Ордъ Кримскихъ аки саранчѣ на державу Полскую , медомъ и млекоу тогда кипѣвшую , зъ Хмелницкимъ нашествїе , и неветованнаго тому панству поврежденїя и разоренїя привнесенїе. И собистся тогда слово Божественного писанїя , яко беззаконїе и злодѣянїе преврати силнихъ ; при силнихъ-же и славнихъ немощїи и безславїи , при крѣпкихъ и богатихъ убогїи и безпомощїи , при виннихъ и невинїи равно приняли плягу и гнѣва Божїя испили чашу , такимъ единого рифмотворца Малороссїйского подтверждается вѣршемъ :

Случися мужу праведну при грешнихъ умрети ,

Обычно бо есть сирому при сухомъ горѣти .

О тихъ-же знакахъ въ рукописнихъ Козацкихъ лѣтописцахъ обрѣтается именно : же року 1648 , въ постъ великій , надъ градомъ Варшавою видѣни были на небѣ по вечерамъ мѣтла , мечъ , гробъ и на немъ крестъ ; но сего я за истинну не имѣю , повеважъ авторъ Твардовскїй , будучи мешканцемъ Полскимъ , невидѣлъ такихъ знаменїй , и въ своей , *Война Домова* названпой , книзѣ виразити ихъ не изволилъ .

Р О З Д Ъ Л Ъ Х І.

О зрозумѣнню чрезъ Гетмановъ Хмельницкого листовою зъ Сльци, вглядомъ пословъ Запорожскихъ писанной, обмани; о прибыттю Гетмановъ Короннихъ зъ войсками Полскими на Украину; о виправъ зъ Черкасъ, и несправность войскъ Полскихъ и Козацкихъ, водою и землею ку Кодаку противъ Хмельницкого.

Гетманъ Великій коронній Миколай зъ Потока Потоцкій, Воевода Брацлавскій, и Калиновскій Гетманъ Полній, любо чрезъ килконедельное время засмотривалися на пословъ Запорожскихъ, подлугъ прежде писаннихъ листовъ Хмельницкого, до Короля Владислава быти мѣвшихъ; однакъ постерегши въ той мѣре Хмельницкого обману, а чаючи отъ него чогось до себе нового, заразы за позволенемъ Королевскимъ и всего Сенату, до пятидесять тысячъ войска Полского платного и посполитого, зъ многими знаменитиими и високородними Панами Полскими, зтягнувши, въ пятюкъ первой недѣли великого поста, февраля 18, прибыли на Украину Козацкую, хочай и зима была тогда нестатечная и бездорожная; и расположивши не безъ великой тяжести людской войска по кватерахъ, сами Гетмани резиденция себѣ обрали—Полній въ Корсунѣ, а Великій въ Черкасахъ, занеже отъ Корсуна до Черкасъ не великое, но тилко шестомилное обрѣтається пути разстояніе. Станувши зась они Гетмани на Украинѣ, любо удивлялися тому, же жадпой о Хмельницкого замислахъ и оборотѣ не было вѣдомости, однакъ усовѣтовали за благо искати и гошити вѣтра въ полю, и виправити для того значіи партіи войска своего землею и водою ку Кодаку, где рѣчи посполитою Полскою значное жѣ платное находовалося пре-

зидіумъ; для чего заразъ по ихъ Гетманскомъ приказу, комисарь Козацкій, на Украинѣ тогда вмѣсто Гетмана бывшій, заслалъ ординанцъ свой всѣмъ Козакамъ реестровимъ готоватися въ походъ невѣдомій. А тимъ часомъ по ординансу Гетмана Великого короннаго, зпущено отъ Кіева ку Черкасамъ килкодесять байдаковъ и иншихъ меншихъ воднихъ судовъ зъ достаткомъ провіантовъ, и военныхъ риштунковъ число немалое, и полковника въ Переяславлѣ Полского, нѣякогось Адама Душинского новопоставлено, а Кречовского отмѣнено за тое, ижъ ку Хмелницкому добрую имѣлъ пріязнь, и не тилко по листовномъ ординансу Гетманскомъ (яко прежде написалось) не взялъ подъ арестъ свой, но и перестерегъ его Хмелницкого въ той мѣре, объявленіемъ писанного къ себѣ о томъ листа Гетманского. Що все дѣялося и приготовлялося чрезъ увесь постъ великій и далѣй; а по свѣтлоторжественномъ воскресеніи Господнемъ (которое тогда было априля второго) Гетмани ободва, Коронній и Полній, зъ иншими знаменитшими панами Полскими въ Черкаси зѣхавшиися, и Козаковъ реестровихъ туда-жъ зтягнувши, приказали имъ зъ Барабашомъ полковникомъ Черкасскимъ и Кречовскимъ бывшимъ полковникомъ Переяславскимъ, подлугъ прежней ухвали и совѣта своего, всѣсти въ суда водніе, и плинути внизъ по Днѣпру ку Кодаку. Але ижъ и въ зичливости Козаковъ реестровихъ Гетмани не велми дуфали, того ради первѣ нѣжъ всѣли въ суда водніе, одобрали отъ нихъ на вѣрность присягу, по которой виконанню, пять тысячъ Козаковъ онихъ реестровихъ виборнихъ и военныхъ, зъ Барабашомъ, Кречовскимъ и иними начальниками своими, пѣхотою въ суда водніе со всѣмъ готовіе всѣло; для лучшей зась надежди Полской, придано къ нимъ пѣхоти Нѣмецкой двѣ тысячи, и велѣно имъ Днѣпромъ плинути щоденній, имѣючи согласія зъ войскомъ, землею туди-жъ ку Кодаку виправленимъ; и якого то войска заразъ тогдижъ

зъ каштеляномъ синомъ Гетманскимъ и изъ комиссаромъ Украинскимъ, также и зъ иными високородными панами, виправлено не двѣ, якъ Твардовсвій написаль, але двадцять три тысячи, добре его узапасивши харчевими и военными запасами, и приказавши имъ, такожь для всегдашного зъ войскомъ воднимъ согласія, неподаль отъ берега Днѣпрового простовати ку Кодаку, и сполне зъ тимъ воднимъ войскомъ надъ Хмелницкимъ чинити промисль, если би где мѣль проявитися.

На третей теди недѣлѣ по Пасцѣ, въ пятокъ априля 13, когда и паша конская начала являтися, рушили отъ Черкасъ обое, водою и землею, войска Полскіи и Козацкіи въ походъ свой; въ которомъ ихъ начинаніи виполнилося прислове тое — *еже челоувческое есть мислити, Божіе же дѣйствовати*; ибо рушивши тіе войска отъ Черкасъ водою и землею, заразь данной себѣ науки Гетманской (еже въ щоденномъ зъ собою быти согласіи) препомнѣли, а отправовали свой походъ такъ, якъ кому за лутше быти здавалося. Гетманскій сынъ зъ комиссаромъ, землею, на Криловъ (до которого отъ Черкасъ...чили...миль именуется) и на Жолтую Воду (до которой отъ Крилова , или , миль Украинскихъ быти сказуется) ишолъ зъ войскомъ крокомъ желвовимъ, помалу и неспѣшно, продолжаючи въ мѣрѣ семъ животь свой отъ наступающей кончини и погибели, въ частихъ и проволѣкаючихся обозовихъ попасахъ и веснянихъ тотдашнихъ, сердцу челоувческому благопріятнихъ, прохладахъ и делѣціяхъ; а Барабашъ зъ Кречовскимъ, водними Днѣпровими бистринами внизъ спѣшнѣйшимъ несени стремленіемъ. Коя ради вниа и неисправленія комисарского и сина Гетманского, войско водное, преречоними бистринами Днѣпровими внизъ спѣшно надъ надежду ихъ каштелянову и комисареву унесенное, зъ войскомъ земношественнимъ приказанной себѣ отъ Гетмановъ короннихъ корреспонденціи в согла-

сія лишившися, пришло (Богу такъ изволившу) въ согласіе и дружбу зъ противнимъ себѣ войскомъ Хмельницкого, чого знать себѣ и зичило: яковимъ же тоє собилося дѣйствіємъ, абіє подлежащій роздѣль ретелне обявить.

Р О З Д Ъ Л Ъ XII.

О рушеню Хмельницкого зъ войскомъ Запорожскимъ и Татарскимъ отъ Сѣчи ку Жолтой Водѣ и на Украину; о злученюся его зъ войскомъ Козацкимъ воднимъ, отъ Гетмановъ Короннихъ противъ него виправленнимъ; о розгромъ войскъ Полскихъ на Жолтой Водѣ зъ комисаромъ и синомъ Гетманскимъ бывшихъ; о взятихъ тамъ здобичахъ и пльнникахъ; о одосланню ихъ въ Чигринь, и о зловленню Чаплинського.

Хмельницкій Гетманъ новій, въ недѣлю третью по Пасцѣ святыхъ мироносиць, априля 22, зъ Сѣчи зъ войскомъ Запорожскимъ рушивши, и зъ Тугай Беомъ Мурзою въ полю вищше Базавлука совокупившися, любо намѣрилъ былъ прямо на Чигринь зъ войскомъ простовати, для привитання тамъ Чаплинського, главного врага своего; однакъ зъ повѣсти предреченнихъ на шляху Сѣчовомъ чрезъ Татаръ пойманихъ людей разсмотрѣвшися, же войска Польскіе и Козацкіе отъ Гетмановъ короннихъ зъ Черкасъ водою Днѣпровою ку Кодаку, а землею на Криловъ и на Жолтую Воду ку Кодаку-жъ суть виправлени, отмѣнилъ на Чигринь походъ свой; а просто ко Жолтой Водѣ и Крилову, въ очи войскамъ Полскимъ путешествовати намѣривши, Кодакъ проминувши, а въ правій бокъ ку берегу Днѣпровому мало зъ шляху своего удавшися, стануль обозомъ вищше Кодаку у миль три или чтири, и распорядивши въ коло и оподаль обозу крѣпкіе и справніе Козацкіе и Татарскіе сторожи, самъ на томъ мѣстѣ неподвижне дней зкилко

примешкалъ; не для того иного, тилко для того найбарзѣй, аби зъ войскомъ Козацкимъ воднимъ, отъ Гетмановъ Короцкихъ виправленнимъ, могли якуюжь колвекъ получить розмову; для того особнии пилціи по надъ Днѣпромъ располжени были караули, зъ данною себѣ отъ Хмелницкого надкою, якъ справитися и поступити, гди увидятъ войско Днѣпромъ вмизъ плинучое. Ти прето караули зочивши войска воднїе, призвали ихъ въ мѣлкихъ судахъ ку берегу, для роаговору зъ собою; между которими згодился и Кречовскій, бывшій полковникъ Переяславскій; а гди услышали отъ тихъ карауцциковъ, же Хмелницкій зъ войскомъ Козацкимъ и Татарскимъ идетъ противъ Поляковъ на Украину, и не оподоль отъ берега Днѣпрового стоить обозомъ, велде тому урадовалися; несовершенно однакъ вѣрячи, потребовали видѣти самого Хмелницкого, которій за данемъ себѣ о томъ знати заразъ прибылъ ку берегу Днѣпровому, и кгда увидѣлся тамъ зъ Кречовскимъ, другомъ своимъ, и инимъ отчизнѣ зичливымъ товариствомъ, теди заразъ одержалъ отъ нихъ устную обѣтницу, же всѣ зъ нимъ зъ судовъ воднихъ висѣвши, пойдуть сполне противъ Поляковъ войною за свои древнїе права и волности, недбаючи на тую присягу, которую Гетманамъ по неволѣ и подъ оружіемъ виконати мусѣли. До чого и Барабаша теплѣйшого Полякамъ прїятеля, зъ его нѣкїими единомислниками, радою своею наклонити обѣщали; лечъ когда тая ихъ рада предъ Барабашомъ была суетна и бездѣлна, абїе во всемъ флоту водномъ возгорѣлся огонь гнѣва и ярости, въ которомъ не тилко Барабаша зъ его единомислниками забито но и всѣхъ Нѣмцовъ виколото и нуртамъ Днѣпровимъ отдано. О чомъ гди увѣдомился Хмелницкій заразъ всѣмъ обозомъ своимъ рушилъ, и стануль надъ самимъ берегомъ Днѣпровимъ для забрання до обозу якъ войска водного, такъ запасовъ харчевихъ и припасовъ военныхъ, между которими килконадцять было арматокъ невеликихъ воднихъ, зъ до-

статкомъ пороху и куль. Що все чрезъ дней чтири упоравши, а судъ водній великій и малій въ затокахъ и тишинахъ Диѣпровихъ, для пришлой потреби, гдиби прилучилась, по затоплювавши, и Козаковъ нѣкихъ значнѣйшихъ конми Козацкими и Татарскими вспомогши, рушилъ помалу, для пѣхоти водной, со всѣмъ войскомъ въ путь свой ку Водѣ Жолтой, многими ума своего очима, яко ловецъ хитрій, на всѣ стороны поглядаючи, и караули въ милю и далѣй отъ обозу имѣючи. Въ пятокъ теди пятаю неделѣ по Пасцѣ, мая 4, передняя стражъ Хмелницкого зъ передней-жъ стражи Полскою двохъ языковъ поймавши, припровадили до Хмелницкого, которіи гди сказали ему же войска Полского доброго, при комисару и каштеляну сину Гетманскомъ, знайдуется двадцать три тысячи, и что уже Жолтую перейшло Воду, теди Хмелницкій зъ Тугай Беомъ на томъ же мѣстцу (которое отъ Жолтой Воды у миль двѣ заледво было) удержался непорушне, для распораженя до битви войска своего, которое чрезъ тотъ подвечорокъ и ночь управилъ и распорядилъ якъ належа-ло. А Поляки стративши своихъ двохъ языковъ и устрахнувшись, цофнулися назадъ, и переправивши Жолтую Воду, тамъ-же надъ нею ошанцовалися за подвечорокъ и ночь, въ должъ и въ ширь на верству, значніи и глубокии въ коло себе учинивши окопи. Переночовавши зась, еще предъ свѣтомъ рушилъ Хмелницкій зо всѣмъ войскомъ ку Полякомъ, и гди отъ своей сторожи получилъ вѣдомость, что Поляки назадъ за Жолтую Воду уступили и надъ нею окопалися, тогда и самъ къ той-же Жолтой Водѣ приближившись, станулъ обозомъ противъ обозу Полского, и належаите оній приказалъ устроити, шанцами въ коло обваровати и пѣхотѣ водной при немъ зоставати. И егда зъ обозу звикая зъ арматъ зачалася корреспонденція, тогда самъ Хмелницкій зъ Тугай Беомъ и зо всѣмъ войскомъ коннимъ, Жолтую на иншомъ мѣстцу перебувши Воду,

вдарилъ крѣпко на Поляковъ зъ окоповъ своихъ противъ ему вѣхавшихъ, которіи и единой години въ кроку своемъ неустоявши, а на килко тысячъ трупомъ павши, зъ великимъ трѣскомъ и ужасомъ въ свой окопъ и обозъ ухопилися, въ субботу пятой неделѣ по Пасцѣ, мая 5. Яковимъ первымъ своимъ нещастіемъ и поражкою, любо превеликій страхъ и отчаяніе живота вложили въ сердца всѣхъ своихъ начальниковъ, однакъ еще и повторній разъ, того жъ субботнего дня ку вечеру, военного Поляки зъ Хмелницкимъ и Тугай Беомъ непонехали дѣла; но и въ томъ на полтори тысячи своего стративши товариства, зъ великимъ бѣдствомъ и ранами zostали вгнани шаблями до окопу своего. День зась неделній, мая 6, захованъ безъ промислу военного. А въ понеделокъ, мая 7, по трикратной валной потребѣ, многихъ Поляковъ сполне зъ каштеляномъ синомъ Гетманскимъ и инними панами и начальниками воинскими смертная постигнула язва. Во второкъ, т. е. Мая 8, шестой недѣлѣ по Пасцѣ, предъ порою обѣднею, и вкоецъ всѣхъ Поляковъ Хмелницкого оружіе разорило, и однимъ зъ нихъ тамъ-же на Жолтой Водѣ жити и гнити повелѣло, а другимъ правую стею до Криму показало; отъ якого погрому нѣ десятка человекъ Поляковъ не спаслося. Потомъ Хмелницкій зъ Тугай Беомъ преправивши чрезъ Жолтую Воду обозъ, стануль онимъ край окоповъ Лядскихъ; и для зловлення Чаплинского врага своего, заразъ виправилъ до Чигрина (бо получилъ вѣдомость, же войско Цолское зъ Чигрина уже вѣйшло, и по ординансу Гетманскомъ спѣшно пошло ку Черкасамъ) при товариству своемъ Чигринскомъ поуфаломъ, исправномъ, добрихъ молодцовъ полтораста человекъ; которіи подлугъ данной себѣ науки, на смерканню въ Чигринъ прибувши, застали Чаплинского щасливе уже повечеравшого и спати розобравшогося, которого безъ жадной дискреціи похвативши, и зъ ласки своей на его панскіе плечи, въ одной

кошулѣ бывшіе, зъ сотню барбарѣ нагайскихъ положивши, а въ грубликову кожушину облекши, и вѣчне и зъ Чаплинскою попрощатись приказавши, всадили на коня и пожнули до Хмелницкого; що справилося чрезъ два днѣ и одну ночь: Которого Хмелницкій словомъ гнѣва привитавши, и плѣнникамъ Полскимъ объявивши, иже зъ его Чаплинского пріяцъ тоє кровопролитіе стануло предложивши, заразъ розказалъ оттяти ему голову; лечъ отпровадивши отъ обозу Лядского на сторону за версть килко, даби врагъ мира и покою не лежалъ зъ тими шляхетскими трунами, которіи зъ его причини тамъ на Жолтой Водѣ свои отъ оружія Козацкого всебѣдственно положили голови. Що все Хмелницкій укониши, обозъ Лядскій со всѣмъ достаткомъ и скарбами забравши, и Тугай Бея зъ тоєй добичи значною башловкою опатривши, прочее все Козакамъ и Татарамъ допустилъ забрати. Взлъ тамъ Хмелницкій: осмь штукъ арматъ добрихъ полевихъ, зъ достаткомъ пороху и куль; килконадцять паръ котловъ, зъ добошамі ихъ; килкодесять корогвей, бунчуковъ два, булавъ двѣ; и килкодесять человекъа трембачовъ и инихъ обозовихъ служителей не мало; якін въ числѣ воинскомъ необрѣталися; на остатокъ зъ пановъ войсковихъ Шембечка, Сапѣгу; комисара и иншихъ значнихъ шляхтичовъ до пятидесять человекъа; а рядового товариства три тисячи злишкомъ тогдижъ въ неволю взято, и до Чигрина при значономъ числѣ Козаковъ и Орди отъ Хмелницкого одослано, зъ таковымъ листовнимъ старшинѣ Чигринской сrogимъ приказомъ, даби всѣхъ начальниковъ Лядскихъ, въ крѣпкіе вложивши кайдани, поставили на килкохъ квартирахъ честнихъ и вигоднихъ подъ крѣпкою сторожею, и велѣли ихъ кормити доволнимъ кормомъ зъ ратуша Чигринского; а рядовое все товариство по турмахъ и въ замку Чигринскомъ жеби было замкнено, сторожею крѣпко опатрено и якъ мога кормлено, а голодомъ не морено; ранихъ засъ жеби гоено и зъ пилностію досмотривано.

Р О З Д Ъ Л Ъ XIII.

О шкодѣ войска Хмельницкого; о приготованнюся Хмельницкого на баталію другую, зъ самими Гетманами; о рушенню Хмельницкого отъ Жолтой Води ку Корсуну; о прибыломъ къ нему свѣжомъ войску; о фрасунку Гетмана коронного и намѣреніи его; о пороку на него отъ войска за несправность; о боляни и страху Гетманскомъ; о разгроменню подѣ Корсуномъ всего войска Полского; о взяттѣ въ полонъ обоихъ Гетмановъ коронникъ, и о иной здобичи тамошной; о возданіи благодарствія Богу; о банкетѣ бывшомъ; о отпочинку на томъ мѣстѣ Хмельницкого, и о отправѣ экспедиціи до Сѣчи и въ Крымъ.

По уконченню оногo кровавогo Желтоводскагo дѣланія (въ которомъ и Козаковъ полторагa челоуѣка смертнуню испило чашу, а равнихъ зтолкоужъ въ Чигринѣ одосламо, кромѣ побитихъ и раннихъ Татаровъ) Хмельницкій зъ Тугай Беомъ на томъ же мѣстѣ стоялъ неподвижне чрезъ три днѣ, приспособляючи и управуючи войско и обозъ на наступуючую зъ самими Гетманами коронными баталію; особливе пятнадцатъ арматокъ воднихъ, новимъ образцемъ на двохъ тилко колесахъ и о единомъ коню приправуючи, для легшого и скорѣйшого зъ ними въ военной потребѣ обороту. Стануло уже тутъ у Хмельницкого армать и арматокъ 26; до которихъ Хмельницкій добрихъ Запороженнихъ стрелцовъ придалъ спѣшивши пять сотъ челоуѣка, а коннихъ для всякаго случая триста челоуѣка; якии новоучиленіи пушкарѣ такъ умѣли зъ армать стрѣляти, якъ и въ мушкетевъ.

По ирешествіи теди дней трохъ, то есть мая 11 въ пятекъ шестой неделѣ по Пасцѣ, устранившися зовсѣмъ якъ

належало, Хмельницкій рушилъ спѣшно отъ Води Жолтой, зо всѣмъ войскомъ, ку самимъ Гетманамъ короннымъ; якого дня отъ Чигрина, Крилова и иныхъ мѣсть и сель, на двѣ тысячи прибыло воинского охотника ку Хмельницкому. Гетманъ зась Великій коронній велимъ наполненъ фрасункомъ, кгда непотѣшнїи една за другою отбѣралъ вѣдомости, а именно: же Козаки воднїи вибивши Нѣмцовъ зъ собою на водѣ бывшихъ до Хмельницкого пристали, и же Хмельницкій на Жолтой Водѣ сина его Гетманского зо всѣмъ войскомъ Полскимъ осадилъ; для которого ратунку, либо заразъ онъ Гетманъ коронній зъ Гетманомъ Полнымъ зо всѣмъ войскомъ (якое уже было готове въ сококупленїе) рушилъ былъ ку Водѣ Жолтой; однакъ у Маслового Ставу получивши вѣдомость отъ одного ранного, зъ Желтоводской остатной потреби прибылого жолнѣра, же уже тамъ войско Полское чрезъ Козаковъ и Орду на голову поражено, обозъ зовсѣмъ взято и синъ Гетманскїи смертно раненъ, а подобно и не жїеть, заразъ цофнулися назадъ ку Корсуну, начавши думати и промышляти о своей головѣ и всего войска Коронного цѣлости, которого при нихъ тогда знайдовалося на двадцать шесть тысячей, зъ новоприбылымъ зъ Полци войскомъ. Многїи тогда зъ пановъ Полскихъ приписовали имъ Гетманамъ за несправность ихъ и глупство едно—же войско роздѣливши послали водою и землею, другое—же жадной о Хмельницкомъ немѣючи вѣдомости, сквапливе одослали и отдалили оное далеко отъ боку своего; зъ якихъ мѣръ обидва Гетмани либо погружались не престанно въ жалю сердечномъ и поношенїи сромотномъ за несправность отъ всего войска своего, однакъ еще якъ колвекъ трезвили; лечъ кгда потомъ послїшали зближающагося ку себѣ Хмельницкого, и войска своего драгунскаго тридесячное число въ передней стражѣ бывшее здраду, же ку Хмельницкому передалося, неимѣючи отъ Гетмановъ за служенной себѣ плати, тимъ барзѣи обїять ихъ страхъ и

всеконечное цѣлости своея отчаяніе, недоумѣваху бо весьма что творити, якъ зъ войскомъ поступити, якъ и на якромъ мѣстѣ до бою оное устроить. Станули еднакъ обозомъ, якъ и въ тогда помѣшанній научилъ разумъ, на одной ровнинѣ надъ рѣкою Россюю, котрая до обороны приличнѣшая имъ быти здавалася, близко Корсуна; и якъ обозъ тотъ ровномъ ошанцовали, такъ и войско належите до бою ушиковали и респорядили.

Мая теди 16, въ среду седмой недели по Пасцѣ, скоро ясно свѣтлое солнце зъ оцепяну на свѣтъ свои лучи явилло; и мракъ нощній зъ нощніе прогнало страни, зарань отъ наступающого пятнадцато тысячного (кромѣ Орди) числа войска Козацкогго показалися быти Полякомъ дими и пражи землин, конскими копитами отъ земли взрушенніи и на воздухъ вознесшіися, нѣби отъ стотисячной квоти войска оного Козацкогго; особливою тогда мглою страхъ Полякомъ засунулъ былъ очи, же ся имъ тое мечтало, чого отнюдь въ самой не было рѣчи. За тимъ абіе Хмельницкій своимъ и Ординскимъ войскомъ мужественно наступаетъ, и крѣпко удараеть на Поляковъ; которіи мало що въ нѣку своемъ постоявши, а болшей отнюдь оружію противному стерпѣти невозмогше, зъ великимъ страхомъ уступили у окопъ свой, внѣ онаго отбѣгши, трупомъ полеглей братів своей на три тысячи; зъ окопу зась стали отстрѣльватися зъ арматъ, якихъ было осмнадцать. Вскорѣ потомъ Хмельницкогго армата зъ пѣхотою настигла, и егда вдовожъ и впоперекъ войско и обозъ Лядскій начаша рисовати и проносити, часто густо убиваючи жолнѣровъ и кошей, ламаючи тежъ и трошачи вози и каравани, тогда Поляки познавши мѣстце тое до цѣлости своей неспособное, рушдали отъ толь на гору тамъ же близко будущую; но и на горѣ той крайнее свое увидѣвши небезпеченство, зарань рушдали и отъ толь, на конечную свою погибель, всѣмъ обозомъ и войскомъ, ушиковавши оное якъ было

возможно; якому ихъ порушеннюся радъ былъ Хмелинцкій. Скоро теди Поляки зъ своихъ висунулися окоповъ, заразъ Хмелницкій зъ Ордою началъ около нихъ (якъ приказують) веремѣя крутити, и обозъ ихъ, въ кылко лавъ ушикованній, зъ арматъ своихъ на разныхъ мѣстцахъ густо розривати, ламати и мѣшати; многихъ и жолнѣровъ Полскихъ, при нихъ въ шикахъ своихъ бывшихъ, зъ мѣлкого и арматного бою покладаючи трупомъ. Увидѣвши то Гетмана, ижъ злая ихъ есть справа, что не тилко звичайнымъ боемъ въ полю, конно немогутъ постояти противъ войска Козацкого, але и обозъ приходитъ въ разрушеніе, рассказали къ пѣхотѣ своей многимъ корогвамъ коннымъ зпѣшитися, на горшій уронъ свой. Щося кгда стало, заразъ служки конѣ въ пановъ своихъ принявшіе, всѣвши на тіе жъ кони, а чаючи бѣгствомъ свое отъ бѣди настоящей удлучити спасеніе, перхнули врознь отъ обозу по лѣсахъ и дугахъ тамошнихъ, пановъ своихъ въ зброяхъ желѣзныхъ и при военныхъ риштункахъ, въ крѣпкій тогди зной и варъ солнечній, оставивши не обиклое имъ пѣхотинское на полъ милѣ и далѣй двигати яго. Сему творящуся, абіе войска Полскіе и обози ихъ, за проводничествомъ нѣякогось непевного, албо и незичливого себѣ человекъ, надходятъ надъ яри и кручи, и зъ нихъ спускаются зъ великимъ бѣдствомъ, ворочаючи въ тіе кручи и ламаючи вози и каравани, и наступуючи на переправу, тамъ въ долині крутой приключуюся, багнистую, зѣло грузкую и до скорой переправи весма неудобную. Уже и армата Полская ничего дѣйствовати не можетъ, да и изъ ручного оружія рѣдкое уже начало быти ку Хмелницкого непрестаемому и зѣло Полякамъ вредителному стрѣлянню отвѣтствованіе. Часть обозу Полского зъ помененной твани и грузкости вибейкавшися, дерется квалтомъ на прикрую гору, и отнюдь на неи взійти неможетъ; другая часть въ болотѣ ономъ загрузла и прочимъ заднимъ путь затарасовала; третья часть зъ

гори спускаються (якоже рѣхъ), поламавши вози и каравани и сметшися зъ собою купами, къ погибели наклонилась; къ тому Козаки на мѣстахъ приличныхъ, кудаби Полякамъ можно было уходить, позакопували и лѣсами позасѣкали дороги. Гетмани обидва зъ иними многими знаменитими панами, аки во изступленіи ума суще, по обонхъ сторонахъ обозовнхъ зъ многими хорогвами конными шатаются, невѣдуще болѣа что творити. Хмелницкій теди зъ Тугай Беомъ совершенно уже познавши свое въ тотъ часъ благополучіе; дали сами покой обозовѣ; толко приказали нѣхотѣ своей и арматамъ, аби дополняли того зъ пилностью, чого на всеконечное раздрушеніе Лядскому обозовѣ недовстало. Самъ тежъ Хмелницкій зъ Тугай Беомъ на самихъ Гетмановъ, уже въ отчаяніи жизни своея бывшихъ, крѣпко ударивши, стерлъ и поламалъ ихъ шики весма, приложивши нещадно остріе оружія свои на ихъ шляхетскіе головы; где множайшая часть войска Полскаго паде трупомъ, смертного неухибивши термѣну; другая двотисячная чили тритисячная часть, зъ нѣкими вождами, бѣгствомъ лѣсами и лугами спаслася отъ погибели, неусмотрѣвшу ихъ Хмелницкому; третая зась часть до полшести тысячи въ плѣнъ взята, зъ обома Гетманами, зъ которихъ Полній Гетманъ Калиновскій зосталъ раненъ; при Гетманахъ зась онихъ короннихъ взято въ неволю: Синявского, Балабана, Бѣгановского, Одриволскаго, Ясколскаго и инихъ знаменитой и високо-родной шляхти до осмидесяти человекъ. Що при всесилной помощи Божіей Хмелницкій щасливе одного дня зорудовавши, стануль обширне обозомъ своимъ надъ тоєю жъ кручею и долиною, въ которой и обозъ Лядскій опановалъ себѣ; а зъ сбоу оногъ килконадцять каравановъ лутшихъ и богатшихъ приказавши пѣхотѣ своей примкнути до себе, прочее все войску Козацкому и Татарскому позволилъ забрати и подуванитись тмъ; кромѣ воинскихъ аппараментовъ, зъ которихъ три булави, каменіемъ драгимъ саже-

нихъ, оемнадцать штукъ армать добрихъ, девятнадцать паръ котловъ, пятьдесятъ шість корогвей, два бунчуки, тридцать осмъ трембачовъ и инихъ служителей обозовихъ, не въ числѣ воинскомъ бывшихъ, до пяти сотъ человекъ. А съ Хмелницкого Козаковъ семдесятъ забитихъ а девятдесятъ пять раннихъ (кромѣ Татаръ забитихъ и раннихъ) тогда явилося. По тихъ теди военныхъ фатигахъ, становши Хмелницкій въ обозъ своемъ зъ Тугай Беоми, разбилъ свои, а найбарѣй здобични, зрядни намети Лядскіи, и переночовавши въ нихъ, первѣе всего въ четвертокъ тогдашній, мая 17, отдалъ молебное благодареніе Господу Богу, помогшему ему на сопостатовъ Поляковъ, при трикратномъ арматномъ и мушкетномъ огня паленіи; по тимъ валній учинилъ банкетъ, учредивши на немъ довольно старшину свою и Козаковъ значнихъ, также Тугай Бей зъ значними Татарами и плѣнниковъ пановъ Полскихъ; а на рядовое Козацкое и Татарское войско 25 куфъ горѣлки видалъ, приказавши оною напоити и рядовое плѣненное товариство Полское. За тимъ отдикомъ на томъ мѣстцу чрезъ дней десять, въ которомъ отпочинку до Сѣчи зъ посилкою певнихъ вещей, а въ Крымъ до Хана зъ посилкою полоняниковъ Полскихъ отправилъ экспедицію, которая виразне тутъ же полагается.

Р О З Д Ъ Л Ъ XIV.

Албо Енералная реляція о обоихъ, Желтоводской и Корсунской, Хмелницкому доставшихся здобичахъ Лядскихъ.

При двохъ Гетманахъ короннихъ взято въ полонъ полковниковъ, ротмистровъ, капитановъ, поручиковъ, хоружихъ и инихъ начальниковъ воинскихъ, значнихъ и високороднихъ 127, рядового товариства осмъ тысячь 520 че-

ловѣка; трембачовъ 68, и нѣхъ служителей не въ числѣ
воинскомъ бывшихъ 580, добожовъ 27, котловъ великихъ
и нѣхъ паръ 34, корогвей самихъ знаменитыхъ 94, а нѣ-
шнѣ менши корогви и котли Татарамъ достались; бун-
чуковъ 4, булавъ 5, армать болшихъ 41, зъ достаткомъ
пороху и куль; нѣхъ зась вещей яко то наметовъ, ко-
ней, рондовъ, сѣделъ, пѣстолѣтовъ, янчарокъ, фузѣй, сай-
даковъ, вишменѣтнихъ и дорогихъ шабелъ, коней,
обуховъ оправнихъ, зброй и панцировъ дорогихъ зъ ши-
шаками, мѣсюрками и карвашами, телембасовъ срѣбнихъ и
нѣднихъ новлоцѣстнихъ, палубовъ и возовъ зъ харчами и
и напитками простими и дорогими, каравановъ зъ креден-
сами достатними столовими, срѣбними и позлоцѣстими; на-
остатокъ таляровъ битихъ, червонихъ золотихъ и дробной
монети, особливе спецѣяловъ всякихъ златихъ и сребнихъ,
зъ драгимъ каменѣмъ и безъ каменѣя бывшихъ; также ка-
наковъ и перстенковъ многоцѣннихъ, при сукняхъ, сукнахъ и
матеріяхъ дорогихъ нешитихъ, значная часть въ руки Хмельниц-
кого досталася. А нѣе такіе жъ драгіе и многіе вещи по-
пались въ руки Тугай Беовъ и нѣмъ начальникамъ Козац-
кимъ и Татарскимъ; прочее же все пошло въ руки всего
войска тамъ бывшего. Колко тежъ зо всего войска Ляд-
ского забито и сколько отъ смерти спаслося, а колко осо-
бно попало въ руки Ординскіе, того совершенно было до-
вѣдатися невозможно.

Тое еднакъ тутъ еще прилагается, ижъ довольно все
войско Хмельницкого, Козацкое и Татарское, здебулося на
конѣ, на ронди, на зброи и на панцери, на сайдаки, ша-
блѣ и нѣе оружіе, на денги тежъ и сукнѣ простіе и до-
рогіе; и що было предъ тими двома битвами во всемъ
войску мало кого у дву конѣ и въ подлихъ одеждахъ
много, то по битвахъ онихъ явилося въ каждого товариша
Козацкого и Ординского по трое, по четверо и по пя-
теро коней, и въ рондахъ много; суконъ тежъ, подобіемъ

коней, въ каждого товарища по килко паръ обрѣлося, такъ ижъ кгда войско тое по преречонихъ двохъ битвахъ на конь всѣло, и въ далшій походъ зъ Хмельницкимъ рупило, увидѣвши зъ стороны albo зъ гори якой оное, можно было сказать, же то суть ниви, красноцвѣтущимъ Голендерскимъ albo Влоскимъ макомъ засѣяннїи и проквѣтнувшїи. Якое красное того нарядного и избогатившагося войска зрѣнїе, не глаголю многихъ, но всѣхъ цѣле Украинскихъ Малоросїйскихъ мешканцевъ, Козаковъ и посполитихъ, на брань пришлую противъ Поляковъ загрѣло и воспламенило; а еще къ тому кривди, тяжести и разоренїя, отъ Ляховъ Малоросїяномъ тогда бывшии, первѣйшою и главнѣйшою до отмщенїя были виною и подгнѣтою.

Разсужденїе о нещастю Поляковъ.

Исполнилось тутъ на Полякахъ тое присловие, ижъ кого Богъ покарати восхоцеть, то первѣе помѣшаетъ и уменьшить ему цекавости и разуму его; при которомъ шванку и всѣ его расужденїя и устроенїя неправимъ путемъ начнутъ ходити, и ку явной шкодѣ и бѣдствїю преклонятися. Сїце бысть и въ Гетмановъ короннихъ, кгда великую часть войска своего отъ себе отдали и тое на двое водою и землею разлучили, послѣдствующи наступуючому Хмельницкого благополучїю а своему злоключенїю. Аще жеби всѣ войска ихъ были вкупѣ, не такъ би скоро опановалъ страхъ Гетманскїе и всего войска сердца, ниже Хмельницкого мужество смѣлобы себѣ такъ позволяти и въ гору восходити.

Р О З Д Ъ Д Ъ XV.

О старшій въ Крымъ неволничковъ Лядскихъ и подарунку Хану; также о вступленъ до Стъчи вещей и гостинца войску Стъчовому, зъ листовною корреспонденцією, и що при Хмелницкомъ зосталося неволничковъ.

Отпочиваючи Хмелницкій на пререченомъ мѣстцу по военныхъ трудахъ чрезъ дней десять, первѣе всего зъ старшиною своею и зъ Тугай Беомъ Мурзою радился и совѣтовалъ, що чинити зъ такъ немалою лѣткою въ двохъ потребахъ взятыхъ неволничковъ Полскихъ. На томъ теда станула рада, же рядовое товариство отдати чтиромъ тысячамъ Ордѣ Тугай Беовой, въ награжденіе трудовъ ихъ военныхъ; и старшину всю одослати въ Крымъ Хану, Солтанамъ и ишимъ начальникамъ Крымскимъ. Для чого Хмелницкій заразъ велѣлъ всѣхъ плѣнниковъ въ обозѣ бывшихъ зреестровати по имени и ознаймити имъ, же отдани будутъ Татарамъ и пошлются въ Крымъ, а хто зъ нихъ добрій за себе Хмелницкому поступитъ окупъ, тотъ отъ посланки Крымской зостанеть волнимъ; для якої ревнїи и предложення помененного слова тогдижъ посланъ и въ Чигринъ Кречовскій, бывшій полковникъ Переяславскій, къ тамошнимъ неволничкамъ. Якое то слово и упевнене Хмелницкого кгда услышали обои неволнички, велимъ тогда обяти зостали жалеми, и въ рѣкахъ слезъ своихъ погружаючися, многїи зъ нихъ по двѣ, по три, по чотири тисячи таляровъ битихъ и побольшей окупы за себе дати Хмелницкому поступили; Потоцкій зась Гетманъ Великій коронній тринадцять, а Каленовскій Гетманъ Полній одинадцять тисячъ таляровъ битихъ, або дати за себе Хмелницкому поступовали, однакъ немогли въ томъ его полу-

чити респекту, для того, же уже ихъ зъ прочими знамени-
тими приговорено зъ Тугай Беомъ послати въ подарунку
самоу Хановѣ. Кгди теи повернулся Кречовскій зъ Чи-
гринна зъ ревѣзію неволниковъ тамошнихъ, то по разсмо-
треніи всѣхъ реестровъ неволничихъ, заразъ позволено
Ордѣ Тугай Беовой, чтиромъ тысячамъ, взяти зъ неволни-
ковъ Полскихъ рядового товариства, якъ въ обозѣ такъ и
въ Чигринѣ бывшаго, восьмъ тысячей; а начальниковъ и
благородной шляхти шестдесятъ человекъ и двоухъ Гетма-
новъ; себѣ зась Хмелницкій оставилъ и одослалъ въ Чи-
гринъ товариства рядового лутшого и окупъ дати за себе
обѣщавшаго 520 человекъ, а зъ начальниковъ и благород-
нихъ оставилъ 65 персонъ. Распорядивши теи таковимъ
способомъ Хмелницкій неволниковъ, отправилъ ихъ зъ обо-
зу зъ подѣ Корсуна до Чигрина, а зъ Чигрина просто до
Криму; написавши до старшини Чигринской, аби видали
Татарамъ всѣхъ тихъ неволниковъ, которыхъ реестръ къ
нимъ посилається. При якої виправѣ неволниковъ онихъ
въ Кримъ, виправилъ Хмелницкій Козаковъ комендерован-
нихъ тысяча, а Тугай Бей Татаръ тысяча; еще тежъ по-
слалъ Хмелницкій Хановѣ въ подарунку двѣ парѣ котловъ
зряднихъ зъ добошами и осмъ трембачовъ, а Тугай Беовѣ
даровалъ еденъ крденецъ сребній; бо на неволниковъ и
самъ онъ не былъ скуденъ. До Сѣчи зась Запорожской,
тогдажъ послалъ Хмелницкій подарунокъ взаимній: за одну
короговъ чтири корогови добрихъ, за еденъ бунчукъ два
бунчуки, за одну булаву двѣ булавѣ вишменѣтихъ, за едни
котли трое котловъ изряднихъ, за три армати шесть штукъ
арматъ виборнихъ, за благодѣяніе войсковое тысячу тяля-
ровъ битихъ на войско, а на церковь Божественную и слу-
жителей ея триста таларей. Якіи зась Хмелницкій при
той виправѣ писалъ листи до Хана и до Кошового Атама-
на, тіи такъ ся въ себѣ мѣють:

Мосцѣ Пане Атамане Кошовій, зо всѣмъ войскомъ Низовимъ Запорожскимъ, братією нашею зичливою.

Посилаючи до Васъ нарочно посланнихъ нашихъ, значнихъ товаришовъ войска Запорожского, доносимъ Вамъ вѣдати, ижъ услышалъ Господь Богъ обидимихъ, утѣспяемыхъ и озлобляемыхъ отъ Поляковъ плачь и стенаніе, отцевъ и матерей, браттѣ и сестрѣ Вашихъ и нашихъ Украинно-Малоросійскихъ, по обоихъ сторонахъ рѣки Днѣпра житіе свое имущихъ, и подалъ намъ зъ войскомъ Запорожскимъ всесилную Свою помощь, на одолѣніе ихъ Поляковъ; при которой въ двоухъ потребахъ, перво на Жолтой Водѣ мая 8, потомъ подѣ Корсуномъ мая 16, на голову ихъ поразилисмо, и обози ихъ зовсѣми достатками, и зъ обома Гетманами коронними, Великимъ и Полнимъ, и зъ ними многими знаменитими и високородними шляхтичами въ плѣнъ взялисмо; о чемъ всемъ совершеннѣйше, и пространнѣйше донесуть Вамъ словесно сіи посланніи наши товаришѣ; чрезъ которихъ Вамъ браттѣ нашей, за любовь и пріязнь намъ, кдисмо были въ Сѣчи, показанную, яко велце дякуемъ, такъ и на знакъ вдячности нашой послаемъ Вамъ всему войску на пиво гостинця тысячу талярей битихъ, а на церковь Божественную Сѣчовую и служащихъ въ ней триста талярій; особно тежъ за клейноти войсковіи, намъ отъ Васъ войска Запорожского даніи, то есть, за одну короговъ, за еденъ бунчукъ, за одну булаву, за одну пару котловъ и за три арматы послаемъ Вамъ взаемне корогвей 4, бунчуковъ 2, булавъ 2, котловъ 3 пари, арматъ 6; що все Ваша Милость браття наше вдячне пріймѣте и Господу Богу благодареніе всегда воздавайте, же по ласцѣ Своей Святой, благословилъ и поспѣшилъ намъ початокъ военного дѣла нашего щасли-

ве зъ Поляками отправити. А поневажъ (якъ донеслося намъ вѣдати) знову Поляки около Висли збирають на насъ великіи свои войска, теди и Вы войско Запорожское Низовое будте готови къ намъ въ помочь на дѣло военное, кгда зашлемо ординансъ нашъ; а хто зъ Васъ есть охотнѣйшій, тотъ и заразъ нехай прибуваетъ къ намъ до компанѣи воинской жадаемъ, и Господу Богу въ сохраненіе всѣхъ Васъ братню нашу поручаемъ. Данъ въ обозѣ подѣ Корсуномъ, року 1648, мая 22.

Въ Крымъ до Хана.

Найснѣйшій и Велможнѣйшій Мосцѣ Пана Ханъ Великихъ Орды Крымскихъ Бѣлогородскихъ и иныхъ, мой дознанній благодѣтелю.

Въ двокротныхъ, на Жолтой Водѣ и подѣ Корсуномъ, потребахъ нашихъ зъ Поляками якую подавъ намъ Господь Богъ надъ ними одержати викторію, оцановати ихъ обози и всякіе користи, и що Поляковъ досталося въ руки наши, о томъ неразшираемъ до Вашей Ханской Ясности писма нашего: словесную о всемъ томъ учинять реляцію досконалую Вашей Ханской Ясности мурзи и Татары, зъ Лядскою здобичею въ Крымъ отпущеніе; чрезъ которыхъ я Вашей Ханской Ясности яко дякую велце за ласку, мнѣ въ Крыму бывшему висвѣдченную, и отпускъ въ помочь моему военному намѣренію пана Тугай Бея мурзи зъ Ордою, такъ на знакъ моей влячности, посылаю Вашей Ханской Милости зъ помененной Лядской здобичи двоухъ Гетмановъ коронныхъ, Великого Потоцкого а Полного Каленовского, котловъ паръ двѣ зъ добошами ихъ и осмъ трембачовъ; а особливе, для уконтентованія пановъ Солтановъ и иныхъ

началниковъ Кримскихъ, посилаю шляхтичовъ знамени-
тихъ и началнихъ шестдесятъ человекъ, зъ которыхъ по
изволишъ Ваша Ханская Милость себѣ оставити, а прочими
иныхъ обдарити, тое нехай будетъ въ разсужденіи и
волѣ самого Вашей Ханской Ясности. Гетмани поменен-
ніи мнѣ поступовали за себе окупу двадцять чтири ти-
сяди таларовъ битихъ; но я високой Вашей Ханской дер-
сонѣ ихъ високихъ персонъ разсудилемъ послати, въ бол-
шой повазѣ имѣючи Вашу Ханскую Ясность нежели ихъ
пѣнязѣ. Вношу еднакъ мою причину за всѣми оими въ
Кримъ посылаемыми вязнями, даби Ваща Ханская Ясность
заховалъ ихъ въ своей ласцѣ и милости, а они, яко люде
дишкретніи, умѣтнутъ тое Вашей Ханской Милости часу
своего отвдичити увеняю. Поневажъ получилимъ вѣдо-
мость, же Поляки около Висли знову збираются и великіи
войска свои на мене приготавлиють: теди прошу велце Ва-
шой Ханской Ясности прислати наскорѣ ко мнѣ Орди еще
тысячъ зколко; кгдажъ тысячу Татаръ панъ Тугай Бей от-
пустилъ въ Кримъ зъ ясрами Лядскими, а при немъ тил-
ко три тысячи осталось. Прошу тежъ и на сына моего имѣ-
ти ресептъ, и самого мя при семъ вручаю не отъиной
Вашой Ханской Ясности ласцѣ и пріязни. Зъ обозу отъ
Корсуна року 1648, мая 22 дня.

Р О З Д Ъ Л Ъ XVI.

О управленнюся Хмелницкого зъ войскомъ и обозомъ; о одосланню въ Чигринъ неволниковъ и иныхъ добытыхъ вещей Лядскихъ; о розданню обозовыхъ слугъ войску своему; о виправъ посланниковъ до Вишневецкого и о згубь ихъ; о рушенню зъ подь Корсуна подь Блую Церковъ; и о розосланню отъ толь Упверсаловъ во всю Украину.

По отправъ до Сѣчи и въ Кримъ экспедиціи пререченой, мая 22, то есть въ понеделокъ Святія Троици еще дней чтири на томъ же мѣстцу подь Корсуномъ промешкаль Хмелницкій, на далшюю войну чинячи въ войску своемъ Козацкомъ, що день примножаючомся, порядокъ и старшину, и обозовіе войною поламание направуючи вещи. Тихъ дней одослалъ въ Чигринъ неволниковъ Лядскихъ, которыхъ зоставилъ себѣ, тринадцять каравановъ великихъ шестоколнихъ, многими скарбами и дорогими вещми у Поляковъ здобутими наполненихъ; одослалъ тежъ излишніе, въ походѣ непотребніе корогви, бунчуки, булави, котли и иніе множайшіе вещи; а иншихъ служителей обозовыхъ, которыхъ зосталося 58, также особно писаровъ, кухаровъ, добошовъ и трембачовъ, еднихъ лутшихъ зъ потребу себѣ оставилъ, а другихъ роздалъ на службу старшинѣ своей войсковой. Потомъ заслишавши онъ Хмелницкій, ижъ по угашенню воспаливагося на себе при Гетманахъ короннихъ огня Полского, еще великая головня въ Лубняхъ зосталася, князь Вишневецкій, державца тамошній, послалъ къ нему значнихъ шести Козаковъ зъ листомъ своимъ, въ подобній сенсъ писанимъ, якъ изъ Сѣчи

писавъ до комисара и до Потоцкого Гетмана Великого коронного, виражаючи въ немъ причины, для которыхъ поднеслъ оружїе на Поляковъ, иже не онъ, но Чаплинскій и инїи ему подобниї панове Полскїи и ихъ дозорци на Украинѣ бывшии, и людемъ Украинскимъ незноснии и не-сказаннїи бѣдствїя творившии, суть причиною достанулого кровопролитїя и замѣшанини; жеби теди о тое щося уже зъ Гетманами коронними стало, онъ князь Вишневецкїй не уражался и гнѣва своего къ нему Хмелницкому простирати невольмѣ, предлагавъ. Князь засъ Вишневецкїй, довѣдавшись о Желтоводской Хмелницкого зъ Поляки битвѣ, стягнувъ на скорѣ войска своего и старость зъ маестностей своихъ на рѣчку Слѣпородъ, чини Слѣпородъ, шесть тысячъ, и самъ къ нему зъ Лубень прибывши, рушилъ былъ зъ опимъ на Переяславль, въ помочъ Гетманамъ короннимъ противъ Хмелницкого; лечъ въ дорозѣ близко Переяславля извѣстившись, же и въ Переяславль, духомъ Хмелницкого надхненїй, уже ити не безопасно, и же Гетмани короннїи зо всѣмъ войскомъ суть розгромлени, вернувся отъ толь назавъ до Лубень. Въ якомъ поворотѣ помененнїе посланники Хмелницкого нагнали его близко Березанѣ, и отдали листъ ему Хмелницкого, которїй князь вичитавши и розярившись, на другїй день по одобраннїю поселства, мая 25, въ четверкокѣ Святїя Тройци, на гостищу между селами Войтовимъ и Филиповимъ, въ двѣ милѣ отъ Березанѣ, велѣлъ постигати; а самъ спѣшне пошолъ до Лубень. Хмелницкїй потимъ десятидневно число на одномъ мѣстцу обозомъ подъ Корсуномъ промешкавши, и въ надлежащихъ войсковихъ рѣчахъ спорядившись, а о порубанихъ чрезъ Вишневецкого посланникахъ своихъ певне увѣдомившись, въ субботу по Святой Тройци, мая 27, рушилъ зо всѣмъ войскомъ подъ Бѣлюю Церковь; где прибывши, стануль на равнинахъ тамошнихъ, по надъ рѣкою Россю, обширнимъ велми обозомъ. А стоячи тамъ часъ немалїй, розославъ во всю Малоро-

вѣскую Украину, по обоимъ сторонахъ Днѣпра будущую, съимъ Гетманскіе універсали, выражаючи въ нихъ обширность границъ Рускихъ, Поляками поглощенныхъ и завладѣнныхъ, древніе права и волности ихъ, причины днѣ которихъ повсталъ войною на Поляковъ; заочаючи тежъ и выматочи всѣхъ тихъ, хто отчизну свою любить и добра ей зичитъ, ку себѣ до компанїи военной, въ обозъ подъ Бѣлую Церковь. Якіи універсали такъ въ себѣ имѣлись.

Р О З Д Ъ Л Ъ XVII.

Універсалъ Хмельницкого во всю Украину Малоросійскую, по обоимъ сторонахъ Днѣпра будущую, и въ дальніи города Рускіе засланный.

Зѣновій Богданъ Хмельницкій, Гетманъ славного войска Запорожского и всѣя по обоимъ сторонахъ Днѣпра сущей Украины Малоросійскія.

Вамъ всѣмъ Украинскимъ по обоимъ сторонахъ рѣки Днѣпра, въ городахъ и селахъ обитающимъ Малоросіаномъ, духовнымъ и мирскимъ, шляхетнымъ и посполитымъ, большого и меншого всякого чина людемъ, а особливе шляхетне урожонимъ Козакамъ и святой браттѣ нашей ознаймущемъ симъ універсаломъ нашимъ: ижъ не безъ причинъ слушнихъ мусѣлисмо зачати войну и поднести оружїе наше на Поляковъ, чрезъ которое щось при всесилои помощи Божественной на Жолтой Водѣ, мая 8, а потомъ подъ Корсунемъ, мая 16, надѣ ними Поляками стануло, тое всѣмъ Вамъ уже совершенно естъ вѣдомо. Теперь зась по двохъ онихъ надѣ ними Поляками вигранихъ битвахъ нашихъ, кдїсидъ заслышали, же они тимъ нещастьемъ своимъ роз-

гнѣвани и розъятрени будучи, не тилко сами панове и княжата около Висли и за Вислою многіи свои на насъ стягають и совокупають войска; але и самого Найяснѣйшого Короля своего Владислава, паца нашего милостивого и отца ласкавого, на насъ же подмовляють и возбуждають, аби со всѣми силами своими пришедши во Украину нашу Малороссійскую, латво насъ огнемъ и мечемъ звоевати, мешканя наши разорити, въ прахъ и пепель обернути, насъ самихъ всѣхъ еднихъ вибити, другихъ въ немилосердную неволю забрати, а на иніе далечайшіе за Вислу мѣстца запровадивши, славу нашу, не тилко въ части свѣта Европейского присно славную, но и въ отлеглихъ за моремъ Чорнимъ странахъ Азіатицкихъ доволно народамъ тамошнимъ вѣдомую, могли испраздити и поглотити: постановилисмо въ намѣреніи нашомъ, не противъ Короля милостивого пана своего, но противъ Поляковъ гордыхъ и заныцо Его Королевскіе високоповажніе привилея намъ Козакамъ и всѣмъ обще Малоросіянѣмъ даніе (права и волности наши древніи при насъ заховуючіи и укрьпляючіи) мѣючихъ, мужественнимъ и небоязненнымъ при помощи Божіей стати серцемъ и оружіемъ. Для чого притягнувши отъ Корсуна, и становщи обозомъ нашимъ войсковимъ тутъ подъ Бѣлою Церквою, пишемъ до Васъ сей нашъ унѣверсалъ, чрезъ которій зважаючи и заховаючи Васъ всѣхъ Малоросіянъ братію нашу къ намъ до компанѣи военной, тое прекладаемъ и извѣствуемъ: ижъ они Поляки, подлугъ ихъ же кронѣкаровъ Полскихъ свѣдительства, отъ насъ Савроматовъ и Руссовъ уродившиися и изшедши, и сами власною братією нашою Савроматами и Руссами съ початку бывши, а несытость слави и богатства душевреднаго въ себѣ имущи, отъ сопробыванія зъ продками нашими древнихъ оныхъ вѣковъ отдалилися, и инше именованіе (еже есть Ляхи и Поляки) себѣ учинивши, а за Вислу заволокнуши, на чуждихъ кгрунтахъ и земляхъ тамъ, между знаменитими рѣкми Европейскими Одрою и Вислою

осѣли; многимъ околичнымъ землямъ и панствамъ Нѣмецкимъ, западнымъ и полунощнымъ, зашкодивши, и держави ихъ зъ людскими населеніями военнымъ и разбойническимъ способомъ, прошлихъ онихъ древнихъ вѣковъ, утрутивши и урвавши, себѣ завладѣли. Потомъ за прешествіемъ многихъ временъ, въ селеніяхъ своихъ по надъ Вислою и за Вислою, на пространнихъ тамошнихъ чуждихъ земляхъ расплодившия и умножившия, а преречоними людскими шкодами и видирствами недовольни будучи, повстали напрасно и безсовѣстно (яко иногда Каинъ на Авеля) на Руссовъ, албо Савроматовъ, власную (яко же вишей написалось) зъ древности природную братію свою; и за предводителствомъ Короля своего Казѣмира Великого, иже естъ имени того третій, року отъ рождества Господня 1333 албо 1339 (звлаща умалившимся и оскудѣвшимъ тогда Кіевскимъ, Острожскимъ и инимъ истиннимъ и природнимъ Рускимъ княземъ нашимъ) войною звали и своей неситости привлащили и подчинили истинніе зъ древнихъ вѣковъ землѣ и провинціи наши Сарматійскіе Козакорускіе, отъ Подоля и Волохъ по Вислу и ажъ до самого Вилня и Смоленска долгіе и обширніе границѣ свои имущіи, а именно: Кіевскую, Галицкую, Львовскую, Хелмѣнскую, Белзскую, Подолскую, Волинскую, Премислскую, Мстиславскую, Витепскую и Полоцкую; и нетилко въ помеченнихъ земляхъ и провинціяхъ нашихъ Рускихъ славное имя наше Козацкое испразнили и загладили; але що найгорше и найжалоснѣйше, всѣхъ онихъ братію нашу Роксоляновъ въ невольничое подданское ярмо запрягши, отъ вѣри отческія Православнія душеспасителнія Кгрекорускія отринули, и до пагубной Унѣи и Римского заблужденія силою, квалтомъ и многими надъ совѣсть Христіянску мученіями и тиранствами привлекли, подклонили и приневодили; всѣ первихъ князей и Королей своихъ Полскихъ, благочестіе наше Кгрекоруское хвалившихъ и утвердившихъ, привлея и мандати презрѣвши, уничтоживши и цѣле про-

тивъ полѣтики шляхетской и доброй совѣсти зкассовавши. Но кгда и того душевредного, въ погибель влекущего схизматическаго и неситого учинку (еже благочестіе святое на Унѣю обернули, и честь Козацкую въ нечестіе и незнаніе претворили) заздрость ихъ и гордость мало быти показовала, то наконецъ наложились были мимо волю Королевскую, пана нашего милостивого, и изъ самихъ крайнихъ и остатныхъ, отъ полдикихъ будучихъ (яко то Чигрина, Терехтемирова, Переяславля, Полтави) и иныхъ многихъ городовъ и сель, по обоихъ сторонахъ рѣки Днѣпра застающихъ, Украинно-Малоросійскихъ, власной предковѣчной отчизни нашей (отъ Святого и Равноапостолнаго князя Владимира Кіевскаго, Русь святимъ крещеніемъ просвѣтвшаго), благочестіемъ истиннымъ и непоколебимымъ сіяющей, значѣйшихъ людей и Козаковъ вигубити и викоренити; а самимъ посполитимъ и простодушнимъ народомъ нашимъ завладѣвши, нетилко въ ярмо неволничое его запрягти; но по своей безбожной воли душевредную, правиламъ Священнихъ и Святыхъ Отець нашихъ противную вринуту Унѣю. Чого уже певніи были знаки и документа, когда нетилко многихъ Козаковъ и мѣщанъ, братію нашу, пси дозорци Лядскіи поѣли, и леда плетками фалшиве паномъ своимъ оскарживши, о потеране головъ ихъ приправили, а добрами и имѣніями ихъ завладѣли (що и мнѣ Хмельницкому отъ нецнотливаго сына и брехуна Чаплинскаго, дозорци Чигрянскаго, пришло было терпѣти и головы позбути); але и вѣру нашу Православную всегда ругали и безчестили, священниковъ нашихъ благочестивихъ, где колвекъ, изъ якої колвекъ хочъ найменшой причины, безчествуючи и ругаючи, бючи, розкривавляючи, волоси и бради вприваючи и урѣзуючи. Якіи зась Вамъ самимъ всѣмъ Малоросіянѣмъ отъ нихъ Поляковъ и Жидовъ, ихъ арандаровъ и любимыхъ факторовъ, по сее время дѣялися обиди, тяжести, озлобленія и разоренія тихъ ми тутъ

не виписуемъ, поневажъ Ви сами о онихъ лутше вѣдаете и памятаете: тое толко тутъ Вамъ припоминаемъ, ижъ до такой пришли были есте неволѣ у Поляковъ, же двомъ или тромъ на мѣстѣ, на улицѣ или въ дому своемъ зшедшися, заказано и невольно было Вамъ зъ собою говорить и о потребахъ своихъ господарскихъ побесѣдовати; безъ чого и акти христинни и веселни быти не могутъ; и що Богъ Творецъ далъ человѣку уста на глаголаніе, тіе Поляки строгими указами своими заградили и нѣмотствовати, надъ полѣтику и всего свѣтній звичай, Вамъ были приказали; якое незносное бремя и устѣ заключеніе, поневажъ милость Божая всемогущая благословила и помогла намъ оружіемъ нашимъ военнимъ отсѣкти и одомкнути, побѣжденіемъ знаменитимъ въ двохъ вишречонихъ потребахъ Поляковъ, супостатовъ нашихъ, теди да будетъ отъ толь присно хвалимо и превозносимо имя Божественное, яко непрезрѣ бѣдъ и утисковъ, воздыханія и слезъ Вашихъ, чрезъ Поляковъ пролיתихъ и проливаемыхъ. А же ми нынѣшнюю зъ Поляками войну зачалисмо безъ вѣдома и совѣта Вашего всенародного, за то Ви на насъ неуражайтесь; кгдажъ ми учинили такъ для лутшой ползи Вашой и нашей, научившися осторожности и лутшого воинского управленія зъ прикладу прежнихъ Гетмановъ браттѣ нашей, подъ Кумейками и на устю рѣчки Старца зъ Поляками, недавно прошлихъ время, войну имѣвшихъ: которіи, поневажъ прежде войны своей унѣверсалами своими, до васъ во всю Украину засланными, увѣдомили Поляковъ о своемъ противномъ имъ намѣреніи; теди тимъ увѣдомленіемъ перестереженни Поляки, якъ належало запобѣгти злу своему приготовалися, и на побѣжденіе ихъ, войскъ Козацкихъ приспособилися. Ми зась такового нещасливого случая стерегучися, удержалисмося ажъ по сіе время зъ симъ унѣверсалнимъ о начатомъ зъ Поляки дѣлѣ военномъ увѣдомленемъ нашимъ; а теперъ яко вѣдати Вамъ

всѣмъ обще Малоросіянѣмъ о томъ доносимъ, такъ и до компаніи войсковою, на подлежащее зъ ними жъ Поляки дѣло военное, Васъ взываемъ и заохочаемъ. Кому мила вѣра благочестивая, отъ Поляковъ на Унѣю претворяемая; кому зъ Васъ любима цѣлость отчизни Вашей, Украини Малороссійской и честь Ваша шляхетская отъ Поляковъ ругаемая, уничтожаемая, весьма посмѣваемая и попираемая: тотъ всякъ, не яко отродокъ, но яко зичливій и любезній сынъ отчизни своей, хтѣй по вислуханню сего унѣверсалного ознаймения нашего, къ намъ въ обозъ подъ Бѣлую Церковъ, на добрихъ конехъ и изъ справнимъ оружіемъ неоткладне прибувати, и сполне зъ нами, прикладомъ старовѣчныхъ валеčníchъ, славнихъ и многимъ околичнымъ народомъ страшнихъ предковъ своихъ, станути мужественно и необязненно, при всемогущей помощи Божіей, противъ Поляковъ, своихъ разорителей, озлобителей и супостатовъ. Бо если не изволите допомогти намъ настоящей военной компаніи, а Поляки насъ одолѣють; то вѣдайте певне, же и Васъ всѣхъ Малоросіянѣвъ, безъ жадного браку и респекту, подлугъ давнего злаго намѣренія своего, огнемъ и мечемъ зруйнують и опустошати, а зъ всеконечнимъ вѣри нашея благочестивія и святія искоренениемъ и поруганіемъ, останки Ваши и чадъ Вашихъ (яко вишей написахомъ) въ плѣнъ загорнуть, и въ нерѣшимую всегдашней неволѣ облукуть одежду. Лутше теди и благополезнѣйше намъ, за вѣру свою святую Православную и за цѣлость отчизни, на пляцу военномъ отъ оружія бранного полегти, нежели въ домахъ своихъ яко невѣстухамъ побіеннимъ быти: кгдажъ если умремъ на войнѣ, за благочестивую вѣру нашу, то не тилко слава и отвага наша рицерская во всѣхъ Европейскихъ и инихъ далнихъ концехъ земнихъ славно провозгласится; але и упованіе наше (еже за благочестіе умрѣти) будетъ безсмертія исполнено и страдалческими вѣщцами отъ Бога вѣнчано. Не бойтеса теди Ваня Ми-

лость, браття шляхетне урожоная Малоросійская, Поляковъ, хочъ бы и наиболшіи были ихъ войска; але прикладомъ (яко же вишей рѣхомъ) славнихъ и валеčníchъ Русовъ предковъ своихъ, при своей правдѣ, за благочестіе святое, за цѣлость отчизни и за поламание древнихъ правъ и волностей своихъ, станте сполне зъ нами, противъ ихъ своихъ обидителей и разорителей; зъ несумѣнною надеждою своею отъ бѣдъ настоящихъ освобожденія и всемошніа благодати Божія, въ наступуючомъ случан военномъ на супостатъ нашихъ помощь намъ сотворити готовія. Якой то благодати Божественной уже и суть певніи знаки: *первое*—двократная вишмененная побѣда Поляковъ; *второе*—ширая прихилность всего войска Низового Запорожского на помощь нашу, при всенадежной помощи Божественной въ поготовости зостаючого, и кромѣ того що уже и есть при насъ оногъ тысячъ осмъ злишкомъ. *Третье*—же и Найяснѣйшій Ханъ Крымскій зо всеми Ордами помогти намъ готовъ есть на Поляковъ, при которомъ, для лутшой певности, и сына своего старшого Тимоша оставилисмо; а и теперъ уже при насъ знайдется даншой намъ отъ его Ханской Милости доброй и военной Орди Крымской чтири тысячи, зъ Паномъ Тугай Беомъ Мурзою значнимъ. *Четвертое*—же и Козаковъ реестровихъ браттѣ нашой пять тысячъ, що отъ Гетмановъ короннихъ зъ Барабашемъ полковникомъ Черкаскимъ и зъ Нѣмцами виправлени были въ судахъ воднихъ противку насъ Днѣпромъ ку Кодаку, отдавши Барабаша, недруга отчизного а похлѣбцу Лядского, и Нѣмцовъ Днѣпровимъ глубинамъ, къ намъ пристаю, и военной въ обохъ разохъ экспедиціи значне на Поляковъ допомогло намъ; слушне тую присягу свою зкасовавши, которую на вѣрность Гетманамъ короннимъ у Черкасахъ, предъ сѣданемъ въ суда водніи, подъ оружіемъ Лядскимъ яко неволники и плѣнники виконати были приуждени: когда сами Поляки до зломання тоей присяги

суть виною и початкомъ, сами первѣе поламавши, мимо волю Королевскую, права и волности древніе Козацкіе и Малоросійскіе, и присягу свою на пріязнь и зичливість и на сохраненіе при ненарушимой цѣлости давнихъ правъ и волностей, Козакамъ и всѣмъ Малоросіяномъ взаимне учиненную. *Пятое*— что и власнихъ ихъ Полскихъ людей три тысячи драгонѣй, предъ Корсунскою битвою, въ передней стражѣ бывшии, вѣрность и присягу свою зломали, и Гетмановъ короннихъ оставивши, къ намъ добровольно присовокупилися; такъ для того, пжъ были укривженными въ своихъ заслугахъ, яко и для того, же зрозумѣвши ненависть и злобу Гетмановъ своихъ короннихъ и всѣхъ пановъ Полскихъ ку всѣмъ намъ Малоросіяномъ бывшую, и на всеконечное наше и вѣри нашея Православнія искорененіе и потребленіе великимъ гнѣвомъ устремившуюся, изволили лутше послѣдовати намъ Малоросіяномъ, при правдѣ и истинѣ сущимъ, о древніе права и волности свои стоящимъ, нежели своимъ Полякомъ, неправедно на искорененіе повставшимъ и гордостною яростію восплаемимъ. *Шестое*— и для того ласка Божая и помощь Его всесплная при насъ быти можетъ, же смо ми, при обидахъ нашихъ, зачали войну сію зъ Поляки не безъ вѣдома и позволенія пана своего, Его Найяснѣйшого Королевского Величества Владислава четвертого, которіи року 1636, во время щасливой своей коронаціи, бывшимъ и намъ при оной зъ Барабашемъ и зъ инымъ значнимъ войска Запорожского товариствомъ, прикладомъ прежнихъ Найяснѣйшихъ Князей и Королей Полскихъ, антецессоровъ своихъ, всѣ наши войсковіе и Малоросійскіе давніе права и волности, при особливомъ утверженіи намъ вѣри нашея Православнія новимъ своимъ на паггаменѣ краснописаннимъ Королевскимъ, при подписѣ власной руки и при завѣсистой коронной печати, ствердивши привилеомъ, отправилъ насъ яко отецъ, ласкаве ударовавши каждого знач-

ними подарунками; а при отправѣ нашей наединѣ бывшой, устне Его Величество къ намъ мовилъ, абисмо по прежнему Гетмана себѣ постановили, и при своихъ правахъ и волностехъ крѣпко стояли, неподаючи онихъ Полякомъ въ поспраніе, щитячися къ тому его Королевскимъ и иними давнѣйшими привилеями; а елиби панове Полскіе и ихъ дозорци тихъ привилеювъ неслухали, *то маєте (мовилъ его Королевское Величество) мушкетъ и при боку шаблю, тоєю прето можете боронити своихъ отъ Поляковъ повреждаемыхъ правъ и волностей.* Послѣ чого въ килко лѣтъ, кгда неперстали творитися на Украинѣ отъ Поляковъ злобнихъ бѣди и крайніе разоренія, тогда знову ми всѣ зъ Барабашемъ суплѣковалисмо о томъ, чрезъ нарочнихъ пословъ нашихъ, до Его Королевского Величества Владислава пана своего милостиваго; которій при отправѣ ихъ, якъ словесно, такъ и приватнимъ листомъ своимъ Королевскимъ, до Барабаша и до насъ всѣхъ Козаковъ писаннимъ, тое жъ свое Королевское, прежде намъ самимъ мовленне (еже на оборону правъ нашихъ мѣемъ мушкетъ и шаблю) подтвердилъ и повторилъ слово. Но поневажъ Барабашъ полковникъ Черкаскій (яко вишей написалось), недругъ и нежелатель добра отчизнѣ нашей, яко такое милостивое Королевское слово и позволенне, такъ и привилея Королевскіе таилъ, и безъ жадной ползи Украинской крилъ у себе, нестараючися а нѣ о избраніи Гетмана Козацкого, а нѣ о увольненіи отъ бѣдъ Лядскихъ всего народа Украинно Малороссійского; теди я Хмелницкій, взявши Господа Бога на помощь, и одобравши штучнимъ способомъ у Барабаша привилеи Королевскіе, мушѣлемъ сіе военное зъ Поляками зачати дѣло; на которое Его Королевского Величества самага превисокой особи войною на насъ порушенняся нѣгди нечаемъ: такъ для того, же зачалисмо сію войну зъ Поляками за позволенемъ Его Королевскимъ, яко и для того, же Полякъ легче Его Королевскаго Величе-

ства превисокою персону у себе важачи, мандатовъ и приказовъ Его неслухали, и непрестаннии Малой Россіи разоренія и угѣсненія налагали. А если Король, иже есть войску всему голова, самъ въ войску Полскомъ противъ насъ не поидеть, то ми пановъ Полскихъ и ихъ много собранного войска, яко тѣла albo огона безглавного, бинамнѣй устрашатися нехтѣймо. Кгдижъ ежели ветхій Римъ (иже всѣхъ Европейскихъ градовъ матерію нарецися можетъ) многими панствами и монархіями владѣвшій, и о шести стахъ чтиридесяти и пяти тысящахъ войска своего древле гордивійся, давнихъ онихъ вѣковъ, далеко меншимъ противъ помененной воинственной сили Римской валечнихъ Руссовъ зъ Ругіи отъ Поморія Балтицкого albo Нѣмецкого собраніемъ, за предводителствомъ князя ихъ Одоначе-ра, року по рождествѣ Господнемъ 470, былъ взятій и чотиринадцять лѣтъ обладаемій; то намъ теперь, кшталтомъ онихъ древнихъ Руссовъ, предковъ нашихъ, кто можетъ възбранити дѣлности воинственной и уменьшити отваги ричерской. Що все Вамъ браттѣ нашей, всѣмъ обще Малоросіяномъ, предложивши и до разсужденія здраваго подавши, о поснѣхъ Вашъ къ намъ въ обозъ подъ Бѣлую Церковь прилежко и пильно жадаемъ, и имъ же зчимъ упрейте доброго отъ Господа Бога здоровья и благополучного во всемъ узмавати повоженія.

Данъ въ обозѣ нашемъ подъ Бѣлою
Церквою, року 1648 Іюня числа.

Р О З Д Ъ Л Ъ XVIII.

О розосланню тихъ унѣверсаловъ во всю Украину и далѣй; о умедлѣннѣи Хмельницкого подѣ Бѣлою Церквою; о личбѣ войска и армать тогда при Хмельницкомъ; о починенню Полковниковъ, и о розосланню ихъ на промисли военнѣи, также и о кончинѣ Королевской.

Такихъ унѣверсаловъ 60 Хмельницкѣи, при печати войсковой, и при подписѣ руки своей, яко належить спорядивши, розослалъ ихъ зѣ подѣ Бѣлои Церкви пилними и справними Козаками во вселенную Малоросѣйскую, по обонхъ сторонахъ рѣки Днѣпра застаючую; сягнувши оними по еднѣи сторонѣ, то естѣ отъ Бѣлои Церкви ажъ до Полонного, до Лвова и до Камянца Подолского; а по другѣи сторонѣ Днѣпра, отъ Переяславля сягнувши онимижъ до Чернѣгова, Стародуба, Гомля и за Днѣпръ ажъ до Борисова и далѣй, до Бихова тежъ, Могилева и далѣй; якую виправу унѣверсаловъ тихъ учинилъ онъ Хмельницкѣи чрезъ Козаковъ, зѣ тихъ же краевъ и городовъ при немъ бывшихъ, а зѣ людьми тамошними добре знаючихся, и въ посланнѣи своемъ осторожне и латво справитися могущихъ. По розосланню теди тихъ унѣверсаловъ, стоялъ Хмельницкѣи неподвижне обозомъ своимъ подѣ Бѣлою Церквою недѣль сѣмъ (тоестъ отъ мая 9, якъ притягнулъ подѣ Бѣлою Церковъ, до юня 26, якъ рушилъ зѣ подѣ Бѣлои Церкви ку Пилавѣ), засмотриваючися пилно на обороти Поляковъ, а немѣючи болше при себѣ войска зѣ Ординскимъ надъ 19 тысячъ; но ожидаючи ку себѣ жъ по розосланнихъ унѣверсалахъ зтягненняся войска Украинно-Ма-

лоросійского, которого доброго и военного, чрезъ помененное седнедельное время, яко орловъ до трупа, вновь прибралосѣ къ нему осмнадцать тысячъ, кромѣ Запорожцовъ новопробылихъ двохъ тысячъ и Орди толкожъ новоприсланной. И такъ всего того нового и старого Козацкогo и Ординского войска стануло тогда при Хмелницкомъ 41 тысяча или 42 тысячи; а армать болшихъ и меншихъ 38, кромѣ шести армать до Сѣчи Запорожской одосланихъ. А стоячи Хмелницкій на томъ мѣстцу, чинилъ полковниковъ и инихъ начальниковъ въ своемъ войску, и устроевалъ около армать що належало и иніе обозовіе потреби. Полковниковъ засъ постановилъ у себе именно: Кречовского, Ганжу, Остапа, Кривоноса и инихъ, якіе впредь на своемъ мѣстцу будутъ положени. Умножившиися теде Хмельниціи въ такую войска Козацкого силу, несхотѣлъ зъ онимъ дармо часу тратити, на одномъ стоячи мѣстцу; але о далшой войнѣ ку своей и всего войска ползѣ промишляючи, розослалъ на розніе мѣстца зъ войсками Козацкими своихъ полковниковъ, для промыслу военного; а именно: Ганжу на Подоле ку замку Нестервару, потомъ тудажъ и Остапа полковника, Кривоноса подъ Махновичи и Полонное. На Полѣссе засъ и въ Литву и на Бѣлую Русь, отъ толь же зъ подъ Бѣлои Церкви, виправилъ Хмелницкій зъ войскомъ Козацкимъ двохъ полковниковъ, Гладкого и Голоту, о чомъ всемъ впредь же, на приличнихъ имъ мѣстцахъ ретелно виражається. Король Владиславъ четвертій, заслушавши о двократной (еже есть на Жолтой Водѣ и подъ Корсуномъ) войскъ Полскихъ на голову чрезъ Хмелницкого поражицѣ, и о вщавшойся во всей Полщѣ зъ тихъ мѣръ замѣшанинѣ и страху, любо зъ одной стороны контентъ былъ Хмелницкого (любимого себѣ человекѣ) дѣлности, же гордимъ и Его Королевского Величества неслухающимъ Полякомъ притерлъ роги; однакъ зъ другой стороны, о упадку коронномъ и рѣчи посполитой отческимъ убогѣваючи сердцемъ,

а къ тому сенаторскими прозбами и совѣтами до обороны отчизни Полскою преклоненій, рушилъ былъ зъ дворомъ своимъ Королевскимъ будто противъ Хмелницкого, приказавши и войскамъ Полскимъ до себе совокуплятися. Але смерть Королевская, зная сердцу Королевскому милость внутренюю ку Хмелницкому имѣвшему согласуючая, благополучія же далшого войнѣ Хмелницкого желавшая, прекращеніемъ живота Его Королевского, того жъ 1648 року, въ мѣсяцю іюню чили іюлю, въ мѣстечку Меречу, тотъ походъ Королевскій ку ползѣ Хмелницкого и всего озлобленнаго народа Украинно-Малороссійскаго воспятела и перемѣнила.

Р О З Д Ъ Л Ъ XIX.

О виправѣ ку Нестервару полковниковъ Кганжи и Остапа; о окупившемся Нестервару; о вирубанню жидовъ Нестерварскихъ; о взяттю потомъ Нестервару и иннихъ городовъ тамошнихъ; о страху Лядскомъ и о утльце; о замьренню границъ Козацкой по рьку Горинь; о радьнїи Вьцерекса Премьса, по смерти Королевской Владиславлей; и о ново учиненнихъ Гетманыхъ.

Увидѣвши Хмелницкїй значную вишменованную войска при себѣ квоту, а о Ляхахъ у Висли и по за Вислою въ недоумѣнїи и страху бывшихъ мало ще дбаючи; на Подоллю тежъ въ Нестервару замку моцномъ много значной шляхти, а особливе отъ Корсунского погрому спасшойся, зъ многими имѣнїями и субстанціями и зъ княземъ Четвертинскимъ запершойся, провѣдавши (где и жидовъ было много, зъ многими богатствами своими), виправилъ туда въ осми тысячахъ войска Кганжу полковника своего, давши ему и

осмь армать въ походъ тотъ, и приказавши добувати Нестервару. Потомъ третого дня, за нимъ Кганжею тудажъ ку Нестервару виправилъ и другого полковника Остапа, въ чтирохъ тисячахъ войска и зъ чотирма арматами. Кганжа теди прибувши къ Нестервару, спужалъ зъло Ляховъ въ немъ запершихся зъ жидами; которіи не бючись вступили зъ нимъ Кганжею въ трактатъ, а въ трактатъ постановили дати за себе значній Кганжѣ зъ войскомъ окупъ, жидовъ зась всѣхъ головою видати. Кганжа въ Нестервару отъ шляхти окупъ взявши, а жидовъ зъ замку вигнанныхъ и много боронившихся всѣхъ вирубивши, поворочалъ до Хмелницкого; которого другій помененній полковникъ Остапъ, на помочь ему отъ Хмелницкого виправлений, стрѣтивши, а о взятомъ въ Нестервару окупѣ увѣдомившись, упоминался и себѣ зъ того части, которой кгда Кганжа неизволилъ удѣлити, теди Остапъ розгнѣваній, зъ своимъ полкомъ потягнулъ до Нестервару; где прибувши, наградилъ себѣ трудъ свой лутше Кганжѣ, бо не зъ великимъ трудомъ добувши Нестервару, всю шляхту зъ княземъ Четвертинскимъ вирубалъ, всѣ ихъ богатства тамъ звезеніе побралъ себѣ зъ войскомъ своимъ. Ляхи по иншихъ мѣстахъ и замкахъ околичныхъ тамошнихъ бывшіи, и тимъ мощного Нестервару абуреннемъ прешрашенніе, оставивши свои жилища, къ Вислѣ и за Вислу поутѣкали. Козаки зась безъ препятія и втренту жадного подобували и другіе города: Браславль, Вѣнцию, Шаргородъ и Красное; и тимъ способомъ, великое стяжавши обогащеніе и въ рштунки военніе доволство, ажъ по самую рѣку Горинь границу себѣ были замѣрили. А же дѣялося тое уже по кончинѣ Короля Владислава, четвертого, теди Вѣцерець Примасъ Полскій зобравши раду, усовѣтовалъ на пей зъ шляхтою стягти съ повѣтовъ войска толко, колкоби на отпоръ Козаковъ и Татаръ довлѣло; для чого и Гетмановъ новихъ починено (поже старіе обадва Гетмани, Потоцкій и Калѣновскій, подъ

Корсуномъ попали въ руки Козацкіе и Ординскіе); толко тимъ Гетманскимъ гоноромъ князя Вишневецкого, Воеводу Руского, державцю Лубонского обминено. Кривоноса зась полковника, подъ Махновичи и Полонное въ осми тысячахъ войска и зъ осмома арматами виправленного, воинское дѣяніе абіе въ подлежащомъ роздѣлѣ, въ дѣяніяхъ князя Вишневецкого, явственно будетъ.

Р О З Д Ъ Л Ъ ХХ.

О неслухномъ князя Вишневецкого тиранствѣ надъ посланцами Хмелницкого, въ Погребищахъ учиненномъ; о віездѣ его зо всьмъ домою своимъ зъ Лубень на Любечъ за Днѣпръ; о удавнюся его отъ Брагиня ку... и Немирову; о кровопролитіи Немеровскомъ зъ стороны Вишневецкого стануломъ, и взаимной шкодѣ ему Вишневецкому отъ Немерововъ здѣланной; о дѣйствіи военномъ Кривоносомъ зъ Вишневецкимъ въ Махновичахъ и подъ Константиновомъ; о шкодѣ и розстаннюся ихъ зъ собою.

Князь Вишневецкій воевода Рускій, державца же Лубенскій и иныхъ городовъ и сель Украинскихъ, въ шестотисячномъ числѣ войска при немъ бывшаго, отъ Переясловля къ Лубнямъ поворочаючи, а по тиранскомъ невинихъ шести Козаковъ значнихъ, отъ Хмелницкого зъ приязливимъ листовнимъ одозвомъ къ себѣ присланныхъ, межи селами Войтовимъ и Филиповимъ въ двѣ милѣ отъ Березанѣ, на гостинцу забиттю, роспустилъ отъ себе едно войско до охорони здравія своего ненадежное, а зъ другимъ рушилъ спѣшно до Лубень, на свою резиденцію. Где прибывши и непотѣшніе зъ Полски новини о упадку корон-

номъ получивши; также и со всѣхъ сторонъ бурливѣ вѣтра Козацкой войны и бунтовъ посполитихъ внушивши, якъ могъ со всѣмъ домою своимъ въ легцѣ, только въ трехъ тысячахъ войска, зъ Лубень до Полци вѣхалъ; и удавшися на городокъ Биковъ, тамъ о полуднѣ, противъ неделѣ святой, рѣчку Свидовець преправилъ. Зрозумѣвши зась, же на Кіевъ за Днѣпръ, для повставшихъ военныхъ вихровъ, не безопасно уже ему простовати, вдался ку Любечу; где Днѣпръ переправивши и Брагиня досягнувшися, княгиню до Вишневеца своего съ тяжарами домашними отправилъ, а самъ вдался на лѣво, въ промисль военній противъ Козаковъ ку Погребищамъ; где подзорнихъ будто людей, кповъ (?) Рускихъ до бунтовъ, а болшь невиннихъ на палѣ тиранско позбивавши, и тимъ мордерствомъ своимъ пріязнь людскую и власнихъ подданихъ своихъ стративши, а на гнѣвъ ку себѣ сердца ихъ запаливши, рушилъ оттоль къ Немерову, своей маестности, такогожъ гостинца мордерского якъ и Погребищане одержали боявшойся. Отъ, которой въ милю чили въ полъ милѣ обозомъ станувши, послалъ туда Барановского зъ драгунами, розказуючи жеби оттоль провіянтъ прислано. Барановскій тамъ прибувши, а башти мѣскіе затворенніе узрѣвши, и щось противного себѣ отъ гуляевъ и пяницъ Немеровскихъ заслишавши, кгвалтомъ парканъ Немеровскій вирубалъ, и зъ драгонѣю въ Немеровъ вшедши, великую въ людехъ тамошнихъ, безъ жадного милосердія, учинилъ шкоду и кровопролитіе. На другій день Немеровцѣ роздражненніе, поволностю своею и поклономъ Вишневецкого обманули, и на залогу себѣ килко сотъ драгуновъ упросивши, ввели ихъ до Немерова; а въ тимъ часѣ Козакамъ, гдесъ не оподаль Немерова бывшимъ, извѣстили о онихъ драгунахъ; Козаки зась яко левъ на ловъ готови будучи, и яко скимни около Немерова въ сокровищахъ тогда обитавши, абіе къ Немерову приспѣли, и невозбранно въ башти себѣ отворенніе у Не-

меровъ уехавши, всю тамъ драгунскую Вишневецкого залогу вирубали, и кровопролитіе Немеровское чрезъ Барановского здѣланное одомстили; еденъ тилко драгузъ отъ того погрому спасшися, принеслъ вѣдомость Вишневецкому о такой зрадѣ Немеровской. Князь зрозумѣвши недобротство ку себѣ подданихъ своихъ, а заслишавши же Кривоносъ, полковникъ Хмелницкого, мѣста Махновичъ добуваетъ, оставилъ безъ каранья Немеровъ и удался къ Махновичамъ зъ войскомъ своимъ, которого зъ Волиня и Полѣсса вновь прибралося было къ нему на тысячь чтири; где мѣсто уже добутое и зрабованное, а замокъ еще добуваемой застави, расправовался зъ нимъ Кривоносомъ войною, зъ немалимъ его и своимъ ущербкомъ войска. Тамъ або вѣмъ, въ двохъ разяхъ и самъ князь мало не положилъ голови своей; бо за первымъ разомъ, кгда натерлъ конницею на пѣхоту Кривонососу, замку Махновичкого добувавшую, тогда во мгненню ока близко тысячи товариства Полского трупомъ пало, и подъ самимъ княземъ коня забито; Кривоносъ тотъ розрухъ и бои увидѣвши, припалъ комонно зъ другой стороны на помощь пѣхотѣ своей; где такъ сильно и нечаянно ударилъ на князя, а пѣхота тожъ непощадѣла огня своего, же на полтори тысячи войска княжого на томъ пляцу пало, и самого князя Кривоносъ самъ за малимъ не зопхнулъ зъ коня списомъ; що князь обачивши, мусѣлъ прочее драгонѣи своей розказати зъ коней, и отиоръ давати Кривоносу уступателнимъ боемъ. А Кривоносъ здобичу Махновичкого и разлитіемъ многой крвѣ Полской уконтентовавшись, отступилъ зо всѣмъ обозомъ отъ Махновичъ, и даровалъ Вишневецкого покоемъ. Вишневецкій по такомъ трактamentѣ Кривоносомъ отдавши хвалу Богу, же неполеглъ на пляцу зъ иншимъ своимъ товариствомъ, удался отъ Махновичъ на Грицевъ, просто ку Збаражу своему, для отпочинку по фатигахъ военныхъ. Въ якой дорозѣ зъ По-

лонного прибывши люде, любо просили князя о заступленіе отъ близкого нахождения къ нимъ Козацкаго, однакъ того недержали, толко обѣтницею маючойся имъ отъ него противъ Козаковъ дати помощи упевнени; бо и самъ князь, мѣючи охоти своей военной жало отъ Кривоноса въ Махновичахъ приломленное, стратилъ прежде бывшую въ себѣ на Козаковъ смѣлость. А Кривоносъ, минувши Полонное кгда брался ку Константинову, набрилъ въ той дорогѣ два полки Лядскихъ, Осинского и Корицкого, и такъ онихъ попудилъ, же надъ ординансъ своихъ новихъ въ Глинянахъ стоявшихъ Гетмановъ, мусли зъ пристраху подъ коменду Вишневецкаго вдатися. Вишневецкій зась зъ свѣжопробылого къ нему войска здобывшись паки на утраченную противъ Козаковъ смѣлость, далъ бой Кривоносовѣ подъ Константиновомъ, въ которомъ чрезъ два днѣ отпрауемомъ, утративши князь до чтирохъ тысячъ войска Полскаго, втратилъ и корогвей своихъ, Козаками взятихъ, осмнадцать; втратили тамъ и Козаки товариства своего килконадцать сотъ, съ Полуяномъ товаришемъ Кривоносимъ и зъ ишною старшиною, и корогвей своихъ двадцать сѣмъ. По якой расправѣ военной, князь Вишневецкій зъ войскомъ удался ку Збаражу своему, а Кривоносъ ку Гетману Хмелницкому, зъ войскомъ на Гончарисѣ полѣ уже стоявшему.

Р О З Д Ъ Л Ъ ХХІ.

О рушенню Хмелницкого зъ подъ Бълои Церкви на Гончариху; о умедльнїи его тамъ; о полученню вѣдомостей о Полякахъ, и о намъренїи походу къ нимъ; о виправъ Кривоноса на Подолле, и о взяттїю чрезъ него Бару зъ многими здобичами; о бытности Кривоносовой тогдажъ подъ Камянецемъ Подолскимъ, и о поворотъ его отъ толь ку Хмелницкому; о замисль Хмелницкого на Пилаву; о зъвздѣ еднихъ Поляковъ въ Збаражъ къ Вишневецкому; о склоненюся Вишневецкого зъ войскомъ подъ команду Гетмановъ новихъ; о совокупленїи обозовъ Лядскихъ подъ Чолганскимъ Каменемъ, и о личбѣ всего войска зъ обозомъ и достаткомъ его; о вѣдомости у Поляковъ взглядомъ рушенню Хмелницкого ку Пилявцамъ, и о рушенню ихъ тудажъ; о несправности Поляковъ подъ Пилявцами; о утратъ ихъ тамъ войска и всѣхъ обозовъ, зъ многими богатствами, и о утѣцѣ ихъ отъ толь, и замислахъ утѣкати въ далнїе надежнїе мѣсца; о длъности Вишневецкого, и о умоцненню новимъ войскомъ Лвова и Замоїстя, зъ скарбовъ позиченнихъ и съ Костелнихъ; о рушенню Хмелницкого зъ подъ Пилявцевъ ку Збаражу и Лвову; о розосланню полковъ Козацкихъ въ чамбули на рознїе мѣсца; о взятїю Зваража и бывшихъ въ немъ арматъ и скарбовъ шляхетскихъ.

Егда Хмелницкїй, Гетманъ войска Запорожского и всея Украины Малоросїйскїя, вишписанную полковниковъ своихъ зъ войсками Козацкими на Подолле, Волинъ и въ

Литву учинилъ виправу; тогда и самъ, зъ меншою при себѣ zostавшею войска Козацкаго частью и зъ Тугай Беомъ Мурзою, въ пяти тысячахъ Орди бывшему, не бавячися болше подъ Бѣлою Церквою, іюня 27, рушилъ отъ толь зо всѣмъ войскомъ и обозомъ ку Паволочѣ, взмѣраючи на поле Гончариха именуемое; куда по волѣ идучи приспѣлъ и стануль іюля 8; а тамъ стоячи чрезъ недель шесть, то есть отъ іюля 8 до августа 19, яко вновъ зъ Украины наджидалъ прибыття ку себѣ войска Козацкаго, такъ и повороту полковниковъ своихъ зъ Подолля и Волиня ожидаючи, смотрѣлъ неоспалими сердца своего очима на Лядскіе обороти и поведенія; маючи къ тому зъ внутръ Полци, яко отъ своей братѣ и зичливихъ пріятелей, Грекоруской релѣи сущихъ, такъ и отъ нарочне посланихъ шпѣговъ певніе о всѣхъ Лядскихъ совѣтахъ и замислахъ доношенія. По которихъ вѣдаючи о Полякахъ въ Глинянахъ при Гетманахъ новихъ короннихъ, а въ Збаражу при князю Вишневецкомъ много собравшихся, любо замислилъ былъ просто имъ пойти въ очи, однакъ за поворотомъ ку себѣ своихъ полковниковъ—Ганжѣ, Остапа и Кривоноса, отмѣнилъ тое намѣреніе; и заразъ Кривоноса полковника, въ десяти тысячахъ войска и зъ десятма арматами, виправилъ знову на Подолліе для промислу военнаго. Которій зъ лутшимъ щастемъ нѣжли въ першой дѣлялося ему послецѣ отъ Хмелницкаго рушивши и на Подолле прибывши, значній городъ Баръ, въ которомъ президіумъ Нѣмецкое не малое и шляхти зъ многими скарбами тамъ увезшойся, зъ ихъ дворовими служебниками и иними людми, Козакамъ противившимися, на чтиринадцять тысячъ военнимъ смерти предалъ оружіемъ. И кромѣ превеликой въ скарбахъ и фантахъ на все войско Кривоносого доставшойся здобичи, взято тамъ въ Бару и до Хмелницкаго припроважено арматъ много и всякихъ военнихъ запасовъ великій достатокъ, и нѣякогось Потоц-

кого живцемъ въ Бару взято. Отъ Бару зась, любо Кривоносъ зъ войскомъ удался былъ до добування Камянца Подолского; однакъ подъ нимъ бывши, и неудобную рѣчь до взяття оногo усмотрѣвши, повернулъ отъ толь ку Хмелницкому.... (*)

(*) Здѣсь въ рукописи значительный пропускъ: конецъ первой части, также II-я, III-я, IV-я и первый раздѣлъ V-й утрачены. Какъ видно изъ послѣдующаго разказа, этотъ промежутокъ обнимаетъ происшествiя четырехъ лѣтъ, отъ 1648 — до 1652.